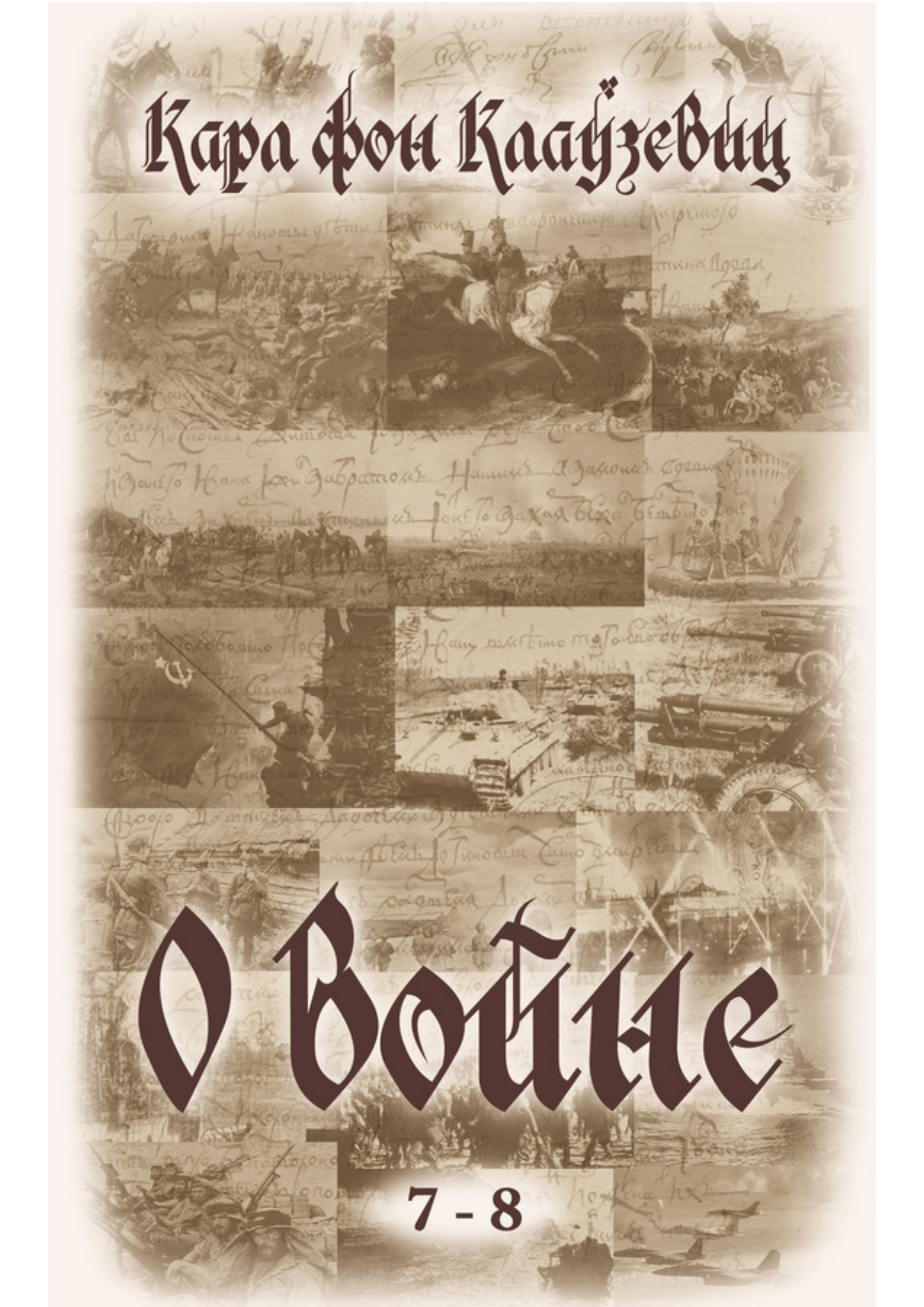

Капа фот Кааузебуу

О Вои́те

7 - 8

Карл фон Клаузевиц
О войне. Части 7-8

Издательство «РИМИС»

1832

фон Клаузевиц К.

О войне. Части 7-8 / К. фон Клаузевиц — Издательство
«РИМИС», 1832

Карл фон Клаузевиц – выдающийся прусский писатель, полководец и военный теоретик. Труд фон Клаузевица «О войне» произвел переворот в теории войны. Его книга отличается яркостью, четкостью изложения, а также резкой критикой в адрес многих военных событий. В своей работе он отводит большое место политике, ее влиянию на ход войны, зависимости ее исхода от силы и слабости отдельных политиков и полководцев. Недаром его знаменитая фраза «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» сохраняет актуальность и по сей день.

Содержание

Наброски к седьмой части. Наступление	6
Глава I. Наступление по его отношению к обороне	6
Глава II. Природа стратегического наступления	7
Глава III. Об объекте стратегического наступления	9
Глава IV. Убывающая сила наступления	10
Глава V. Кульминационный пункт наступления	11
Глава VI. Уничтожение неприятельских вооруженных сил	12
Глава VII. Наступательное сражение	13
Глава VIII. Переправа через реки	14
Глава IX. Наступление на оборонительные позиции	16
Глава X. Наступление на укрепленный лагерь	17
Глава XI. Наступление в горах	18
Глава XII. Атака кордонных линий	20
Глава XIII. Маневрирование	21
Глава XIV. Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах	23
Глава XV.[11] Наступление на театре войны, когда ищут решения	24
Глава XVI. Наступление на театре войны, когда не ищут решения	27
Глава XVII. Атака крепостей	30
Глава XVIII. Нападение на транспорты	33
Глава XIX. Нападение на квартирное расположение неприятельской армии[26]	35
Глава XX. Диверсия	39
Глава XXI. Вторжение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 7-8

©Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выражаем искреннюю благодарность семье Рачинских и лично Наталье Андреевне Рачинской за согласие на издание перевода, а также за помощь в подготовке книги к изданию. Выражаем благодарность Зое Геннадьевне Лисичкиной, помощнику директора Музея-усадьбы «Абрамцево», а также правнуку Саввы Ивановича Мамонтова – Сергею Николаевичу Чернышеву за помощь в работе над книгой.

Наброски к седьмой части. Наступление

Глава I. Наступление по его отношению к обороне

Если два понятия логически противоположны, то одно становится дополнением другого, так что по существу из одного проистекает другое, но если ограниченность нашего ума не позволяет нам одним взглядом окинуть их одновременно и найти благодаря одной лишь противоположности в целом одного целое другого, – то все же понимание одного достаточно освещает многие частности другого. И потому мы полагаем, что первые главы, посвященные обороне, бросают достаточный свет и на наступление во всех вопросах, которые они затрагивают. Но полностью они их не исчерпывают. Система нашего мышления никогда не может быть полностью исчерпана, и потому там, где противоположность не заложена столь непосредственно в самом понятии, как это было в первых главах, невозможно сделать непосредственные выводы, относящиеся к наступлению, на основании лишь того, что было сказано об обороне. К предмету нашего исследования нас приблизит новая точка зрения, поэтому будет естественно рассмотреть с этой ближайшей точки то, что с более отдаленной мы не могли заметить. Таким образом, создается дополнение к системе нашего мышления, причем высказанное о наступлении бросит новый свет и на оборону. Следовательно, говоря о наступлении, мы большей частью будем касаться тех же вопросов, о которых говорили, разбирая оборону. Однако мы не имеем намерения, по примеру большинства учебников фортификации, излагая наступление, обходить или сводить на нет все положительные ценности, усмотренные нами в обороне, для доказательства того, что против каждого из средств обороны имеется надежный способ наступления. Это было бы противно природе предмета. Оборона имеет свои сильные и слабые стороны; если первые и можно преодолеть, то все же их преодоление обходится несоизмеримо дорого, это положение приходится признать бесспорным с любой точки зрения, чтобы не впасть в противоречие с самим собою. Далее, мы не намерены со всей тщательностью проследить за игрой состязающихся между собой средств, каждое средство обороны вызывает соответствующее средство наступления, но часто эти средства настолько однородны, что нет необходимости для их оценки переходить с точки зрения обороны к точке зрения наступления, одно из них вытекает само собой из другого. Наша задача заключается лишь в том, чтобы указать в каждом вопросе на особые условия наступления, поскольку они не вытекают непосредственно из обороны; а этот способ разработки нашего предмета неизбежно приведет нас и к некоторым главам, не имеющим соответственных в части, посвященной обороне¹.

¹ Часть 7-я труда Клаузевица представляет большей частью только наброски, главы IV, V и VI, затрагивающие глубочайшие вопросы наступления, представляют скорее программу-скелет, чем изложение затронутой темы, но приложенная в конце 7-й части черновая статья Клаузевица «О кульминационном пункте победы» в значительной степени восполняет этот пробел. Главы этого труда, трактующие вопросы оперативного порядка (VII, X–XII, XIV–XIX), представляют собой в настоящее время преимущественно исторический интерес. В стилистическом отношении первые семь глав 7-й части почти не обработаны, нет почти деления на абзацы, фразы отрывисты и скомканы, часто разделяются точкой с тире, знаменующей отсутствие связи в изложении. Эти недостатки немецкого текста наш перевод не стремился затушевывать. Текст остальных глав 7-й части и всей 8-й части обработан Клаузевицем в достаточной степени. – *Ред.*

Глава II. Природа стратегического наступления

Мы видели, что оборона на войне вообще, а следовательно, и стратегическая оборона не является одним лишь выжиданием и отражением атак, т. е. не есть нечто абсолютно пассивное, а пассивное лишь относительно, и потому оборона более или менее проникнута началом наступления. Наступление также не представляет собою однородного целого и постоянно перемешивается с элементами обороны. Однако здесь имеется различие. Оборону без контр-удара нельзя себе представить: контрудар – необходимая составная часть обороны. Не то при наступлении, в котором удар – нечто цельное и завершенное, оборона, как таковая, ему не нужна, и его приводят к ней, как к неизбежному злу, лишь условия пространства и времени, в которых протекает наступление. *Во-первых*, наступление не может быть продолжено в непрерывной последовательности до полного его завершения, оно требует остановок, и в течение этих перерывов, когда оно само оказывается нейтрализованным, естественно наступает состояние обороны. *Во-вторых*, пространство, которое оставляют позади себя наступающие войска и использование которого безусловно необходимо для их существования, не всегда бывает прикрыто самим наступлением и требует особой защиты.

Следовательно, акт наступления на войне, с точки зрения стратегии, является постоянной сменой и сочетанием наступления и обороны, причем оборона не должна рассматриваться как действительная подготовка к наступлению, повышающая его напряжение. Оборона при наступлении не представляет собою действующего начала, напротив, она – неизбежное зло, *тормозящее усилие*, вызываемое инертностью массы; оборона – это первородный грех, смертное начало для наступления. Мы сказали *тормозящее усилие*, так как оборона, ничем не способствуя усилению наступления, ослабляет его действие уже одной вызываемой ею потерей времени. Но не может ли оборона в качестве составной части всякого наступления наносить ему и непосредственный *ущерб*? После того, как мы установили, что *наступление более слаба, а оборона более сильна форма войны*, то, казалось бы, из этого следует, что оборона не должна вредно влиять на наступление, так как, пока еще хватает сил для *более слабой* формы войны, то, конечно, их будет достаточно и для *более сильной*. В общем, т. е. в главном, это верно, но насколько применимо в частности, об этом мы скажем в главе о кульминационной точке победы². Однако не следует забывать, что превосходство *стратегической обороны* отчасти проистекает из того, что наступление не может обойтись без примеси обороны, но обороны много более слабого рода. Наступление вынуждено влечь за собою самые худшие элементы обороны, о которых уже нельзя утверждать все то, что относится к обороне в целом, и потому становится понятным, что они могут стать началом, непосредственно ослабляющим наступление. Именно этими моментами слабой обороны, содержащимися в наступлении, и должна пользоваться оборона для положительной деятельности содержащегося в ней наступательного начала. Какая огромная разница в положении обороняющегося и наступающего, когда они во время двенадцатичасового отдыха, сменяющего дневной труд, находятся – первый на своей тщательно выбранной, хорошо знакомой ему, заранее подготовленной позиции, а второй – на походном биваке, куда он попал ощупью, как слепой; то же различие сохраняется и в период более длительной остановки, вызванной необходимостью организовать подвоз продовольствия, ожиданием подкреплений и т. д. В этих случаях обороняющийся извлекает пользу для себя из близости своих крепостей и складов, а наступающий живет, как птица небесная. Каждое наступление должно закончиться обороной, но какую форму она примет, зависит от обстановки. Последняя может быть или чрезвычайно благоприятной, если неприятельские силы уже уничтожены, или, если это не имело места, весьма затруднительной. Хотя такая оборона уже не является составной частью соб-

² Набросок этой главы без номера в конце 7-й части. – *Ред.*

ственного наступления, все же ее свойства отражаются на наступлении и должны быть учтены при его оценке.

Общий вывод этого рассмотрения сводится к тому, что при всяком наступлении следует принимать в расчет и необходимо присущую ему оборону, дабы уяснить себе все невыгоды, с которыми оно сопряжено, и иметь возможность к ним подготовиться.

В зависимости от того, в какой мере используется начало выжидания, оборона представляет различные ступени. В связи с этим нарождаются формы обороны, существенно друг от друга отличающиеся, как это уже сказано нами в главе о видах сопротивления³.

Так как в наступлении заключается только одно действующее начало и оборона в нем является лишь цепляющимся за него мертвым грузом, то в наступлении не может быть таких различий. Конечно, существует большое различие в энергии наступления, в быстроте и силе удара, но это различие только *количественное*, а не *качественное*. Можно допустить, что в единичных случаях наступающий, чтобы успешнее достигнуть поставленной цели, изберет форму обороны и, например, расположится на хорошей позиции и даст себя на ней атаковать. Однако подобные случаи встречаются весьма редко, и мы не будем считаться с ними в нашей группировке понятий, так как мы исходим из практического опыта, а не из исключений. Таким образом, наступление не может быть повышаемо в степени, как это имеет место в видах сопротивления.

Наконец, совокупность средств наступления сводится, как общее правило, к вооруженным силам: из крепостей на наступление оказывают заметное воздействие только ближайшие к театру войны. Но это воздействие ослабевает по мере продвижения вперед, и понятно, что крепости наступающей стороны никогда не будут играть столь существенной роли, как при обороне, когда они часто приобретают важнейшее значение⁴. Содействие населения наступающему возможно только в тех случаях, когда жители сочувствуют ему больше, чем собственной армии. Наконец, у наступающего могут быть также союзники, но это отнюдь не вытекает из природы наступления, а является лишь результатом случайных обстоятельств. Итак, хотя крепости, народное ополчение и помощь союзников входят в совокупность средств обороны, но мы их не можем причислить к составу средств наступления; в обороне они являются вполне естественными, здесь же они встречаются редко и по большей части случайно.

³ Часть 6-я, глава VIII. – *Ред.*

⁴ Неспособность современных крепостей к длительному самостоятельному сопротивлению резко ослабляет их роль в обороне. В противоположность Клаузевицу, Шлиффен подчеркивал активное значение крепостей, имея в виду в особенности крепость Мец: «Смысл современных больших крепостей не в том, чтобы содействовать обороне. Напротив того, их смысл – способствовать наступлению и численно более слабой стороны, так как они позволяют использующим их армиям наносить внезапные удары в различные стороны и прикрывают их фланг и тыл». – *Ред.*

Глава III. Об объекте стратегического наступления

Цель войны – сокрушить противника; средство – уничтожение его вооруженных сил. Это верно как по отношению к наступлению, так и по отношению к обороне. Обороняющийся уничтожает силы противника, чтобы самому перейти в наступление, а наступающий – с целью овладеть страной. Таким образом, страна является объектом наступления, но не обязательно вся страна полностью: наступление может ограничиться захватом одной ее части, одной области, одного района, одной крепости и т. д. При заключении мира все захваченное может представлять большую ценность в качестве объекта приобретений или обмена.

Поэтому в качестве объекта стратегического наступления нужно представлять себе целый ряд бесчисленных ступеней, начиная от завоевания страны в целом и кончая занятием ничтожного местечка. Как только объект достигнут, наступление прекращается и начинается оборона. Из этого, казалось бы, следует, что можно рассматривать стратегическое наступление как определенно ограниченное целое. Но в действительности дело обстоит иначе. На практике намерения и мероприятия наступательного характера часто незаметно переходят в область обороны, так же, как и планы обороны – в наступление. Редко или, по крайней мере, не всегда полководец точно намечает себе то, что он хочет завоевать, а ставит это в зависимость от развития событий. Часто наступление заводит его дальше, чем он предполагал; часто после более или менее короткого отдыха он движется снова вперед, с новой стремительностью, но у нас нет повода рассматривать эти два периода наступления как два различных акта. Иногда наступающий останавливается раньше, чем предполагал, но не отказывается при этом от всего плана наступления и не переходит к подлинной обороне. Итак, если успешная оборона может незаметно перейти в наступление, то с наступлением может случиться обратное. Эти оттенки наступления необходимо иметь в виду, дабы не сделать ошибочных заключений из того, что мы скажем о наступлении вообще.

Глава IV. Убывающая сила наступления

Мы затрагиваем здесь один из наиболее существенных вопросов стратегии; от правильного его разрешения зависит в отдельных случаях правильность суждения о том, чего мы в состоянии достигнуть.

Причины, ослабляющие абсолютную мощь, следующие:

1. Самая цель наступления, так как в нее входит стремление занять неприятельскую страну. Обычно ослабление появляется лишь после первого решительного сражения, после которого, однако, наступление не прекращается.
2. Потребность наступающей армии оккупировать территорию, остающуюся позади, дабы обеспечивать свои сообщения и изыскивать средства существования.
3. Потери в боях и от болезней.
4. Удаление от источников пополнения.
5. Осады или блокады крепостей.
6. Падение напряжения.
7. Отступничество союзников.

Этим ослабляющим причинам противостоят другие, способные усилить наступление. Ясно, что результат определяется только сопоставлением этих двух различных величин. Так, например, ослабление наступления может быть уравновешено, а иногда даже превзойдено ослаблением обороны. Последнее, впрочем, встречается редко; при этом не следует принимать всегда в расчет все действующие вооруженные силы, а только те, которые противостоят друг другу впереди или на решающих пунктах. Примеры тому: французы в Австрии, Пруссии и России; союзники во Франции и французы в Испании.

Глава V. Кульминационный пункт наступления

Успех в наступлении есть результат действительного превосходства; мы разумеем, конечно, суммарное превосходство материальных и моральных сил. В предыдущей главе мы указали, что сила наступления постепенно истощается; может случиться, что превосходство сил при этом возрастает, но в громадном большинстве случаев оно уменьшается. Наступающий закупает ценности, которые, быть может, и принесут ему выгоду при заключении мира, но пока он расплачивается за них наличными, расходуя свои вооруженные силы. Если превосходство, хотя и ежедневно уменьшающееся с успехами наступления, все же сохранится до заключения мира, то цель достигнута. Бывали стратегические наступления, которые приводили непосредственно к миру, однако таковых меньше всего; большинство их доводило только до такого момента, когда сил как раз хватало на то, чтобы держаться в состоянии обороны и выжидать заключения мира. За этой точкой следует уже перелом, реакция. Сила такой реакции обычно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара. Этот переломный момент мы называем кульминационным пунктом наступления. Так как смысл наступления заключается в овладении неприятельской страной, то из этого следует, что продвижение вперед должно длиться до тех пор, пока не истощится перевес; это-то и гонит наступающего к цели, но легко может завести и дальше. Если принять во внимание, из какого большого количества элементов складывается уравнение действующих сил, то станет понятным, как трудно в некоторых случаях определить, на чьей стороне находится перевес. Часто все висит на шелковой нити воображения.

Поэтому все сводится к тому, чтобы чутьем, при помощи обостренной интуиции, уловить кульминационный момент наступления. Здесь мы сталкиваемся с кажущимся противоречием. Оборона сильнее наступления; казалось бы поэтому, что последнее никогда не может завести слишком далеко, ибо до тех пор, пока слабейшая форма сохраняет достаточную силу, последняя будет тем более достаточной при переходе к сильнейшей форме⁵.

⁵ Здесь в рукописи следует: «Развитие этой темы – в статье о кульминационном пункте победы». Под этим заголовком сохранилась записка в папке с надписью: «Отдельные рассуждения как материалы». Эта записка, представляющая, по-видимому, обработку настоящей главы, здесь лишь бегло намеченной, помещена в конце 7-й части. (Прим. издателя к 1-му и 2-му нем. изданиям) Клаузевиц набрасывает здесь только скелет главы, и у читателя может возникнуть сомнение при чтении двух рядом стоящих фраз: бой – единственное средство уничтожения и бой – не единственное средство уничтожения, взятие крепости и оккупация территории ведут к тому же, вызывая моральное потрясение и пресекая источники пополнения противника. Это недоразумение разрешается тем, что Клаузевиц относит всякий территориальный выигрыш маневрирования за счет боя, не имевшего в действительности места вследствие уклонения противника (ч. 1-я, гл. II). – Ред.

Глава VI. Уничтожение неприятельских вооруженных сил

Уничтожение неприятельских вооруженных сил является средством достижения цели. Что разумеется под этим? Во что это обходится?

Возможны различные точки зрения по этому поводу:

а) уничтожить лишь столько, сколько того требует объект наступления;

б) или же столько, сколько окажется возможным;

в) шадить собственные силы – как основная точка зрения;

г) последнее начало может быть доведено так далеко, что наступающий будет предпринимать что-либо для уничтожения неприятельских сил лишь при благоприятных обстоятельствах, как это может иметь место и по отношению к объекту наступления, о чем уже было сказано в III главе.

Единственное средство уничтожения вооруженных сил противника – это бой, но притом двояким образом: во-первых, непосредственно и, во-вторых, косвенно, посредством комбинации боев. Следовательно, если бой – главное средство уничтожения, то все же не единственное⁶. Взятие крепости или захват части территории уже сами по себе представляют разрушение неприятельских боевых сил, но они могут повести к еще более крупным последствиям, т. е. воздействовать косвенно.

Итак, занятие незащищенной части страны вне зависимости от непосредственного достижения намеченной цели может быть рассматриваемо как уничтожение неприятельских боевых сил. И с этой точки зрения следует рассматривать случай, когда путем маневрирования заставляют противника очистить занятый им участок, что успехом оружия в точном смысле этого слова названо быть не может. Эти средства часто переоцениваются: редко они бывают равноценны выигранному сражению, но требуют мало жертв, а потому заманчивы; притом всегда следует опасаться невыгодного положения, в которое они могут поставить; они соблазнительны потому, что обходятся дешево.

На них надо всегда смотреть как на мелкие ставки, ведущие к грошовому выигрышу. Они соответствуют стесненным обстоятельствам и робким побуждениям. Но они, очевидно, предпочтительнее безрезультатных сражений, успех которых не может быть использован.

⁶ Клаузевиц набрасывает здесь только скелет главы, и у читателя может возникнуть сомнение при чтении двух рядом стоящих фраз: бой – единственное средство уничтожения и бой – не единственное средство уничтожения, взятие крепости и оккупация территории ведут к тому же, вызывая моральное потрясение и пресекая источники пополнения противника. Это недоразумение разрешается тем, что Клаузевиц относит всякий территориальный выигрыш маневрирования за счет боя, не имевшего в действительности места вследствие уклонения противника (ч. 1-я, гл. II). – *Ред.*

Глава VII. Наступательное сражение

Сказанное нами об оборонительном сражении уже осветило многое в сражении наступательном. Мы тогда имели в виду такое сражение, где всего ярче выражена оборона, дабы вскрыть ее сущность; но подобного рода сражения редки, в большинстве же случаев сражения являются наполовину встречными⁷, и оборонительный характер в них значительно утрачивается. Иначе обстоит дело с наступательным сражением; оно сохраняет свой характер при всех обстоятельствах, выявляя его тем сильнее, чем меньше обратилась оборона к своей подлинной сущности. Поэтому и в не вполне выраженном оборонительном сражении и в подлинном случайном сражении всегда сохраняется некоторое различие в характере ведения сражения той и другой стороной. Главная особенность, отличающая наступательное сражение, – это охват или обход, предпринимаемые с началом сражения.

Очевидно, что наличие охватывающей линии фронта предоставляет для ведения наступательного боя большие преимущества; впрочем, это – предмет тактики. От этих преимуществ наступление не откажется из-за того, что оборона может применить против них соответствующее средство. Ведь для того, чтобы успешно охватить в свою очередь охватывающие части противника, обороняющийся должен расположиться на тщательно избранной и хорошо оборудованной позиции. Но для наступающего очень важно то, что в действительности (как показывает опыт всех времен) обороняющийся использует далеко не все выгоды, даваемые обороной; в большинстве случаев оборона представляет собою лишь жалкую попытку извернуться в положении весьма стесненном и опасном, когда она в предвидении наихудшего исхода сама идет навстречу наступлению. Последствием этого является то, что сражения с охватывающим или даже с перевернутым фронтом, которые по-настоящему должны были бы являться следствием выгодного соотношения коммуникационных линий, обычно представляют собою результат морального и физического превосходства (Маренго, Аустерлиц, Йена). Впрочем, наступление во фланг, т. е. сражение с перевернутым фронтом, более действенно, чем охватывающая атака. Представление, будто последняя с самого начала должна быть соединена с охватывающим стратегическим наступлением, как это было перед сражением под Прагой, является ошибочным⁸. Только в редких случаях одно бывает связано с другим, и вообще стратегическое охватывающее наступление – дело опасное. Об этом более подробно будет сказано в главе о наступлении на театре войны. В то время, как в оборонительном сражении полководец стремится возможно больше оттянуть решение и выиграть время, так как оборонительное сражение, не решенное до захода солнца, обычно превращается в выигранное, – в сражении наступательном он имеет потребность ускорить решение. Однако с чрезмерной поспешностью связана большая опасность, так как она ведет к расточительному расходованию сил. Отличительной особенностью наступательного сражения является в большинстве случаев неведение о положении противника, вследствие чего наступательное сражение буквально представляет собой нащупывание в неведомой обстановке (Аустерлиц, Ваграм, Гогенлинден, Йена, Кацбах). А чем больше неизвестность, тем более важно сосредоточение сил, тем предпочтительнее обход охвату. Что главнейшие плоды победы пожинаются при преследовании, об этом сказано уже в XII главе 4-й части. По самой природе наступательного сражения преследование более родственно ему, чем сражению оборонительному.

⁷ Клаузевиц употребляет французское выражение «rencontres», которому придавал значение не встречного боя, а случайного. – *Ред.*

⁸ Эта мысль, направленная против увлечения маневрированием, не представляет окончательного мнения Клаузевица. В 8-й части главы IX Клаузевиц утверждает, что для достижения решительной победы путем охвата или сражения с перевернутым фронтом необходимо учесть нужные мероприятия уже в периоде развертывания. – *Ред.*

Глава VIII. Переправа через реки

1. Значительная река, пересекающая линию наступления, представляет большие неудобства для наступающего, так как, переправляясь через нее, он обычно должен довольствоваться одним лишь местом переправы, и если не пожелает остаться у самой реки, то будет чрезвычайно стеснен в своих действиях. Если же он намеревается дать по ту сторону реки решительное сражение противнику или если он может ожидать, что противник сам пойдет навстречу, то он окажется перед серьезной опасностью; в подобное положение ни один полководец не поставит себя, если не располагает значительным моральным и материальным превосходством.

2. В связи с трудностями, встречаемыми наступающим, оставившим позади себя реку, для обороняющегося гораздо чаще создается возможность успешно оборонять реку, чем это было бы при отсутствии этих трудностей. Исходя из предпосылки, что обороняющийся не смотрит на защиту реки как на единственное средство спасения, а напротив, подготовился так, чтобы даже в случае неудачи обороны реки сохранилась возможность оказать сопротивление вблизи реки, наступающему приходится учитывать не только сопротивление, которое будет ему оказано после переправы, но и неудобства, упомянутые в предыдущем параграфе. Оба эти затруднения, взятые вместе, и вызывают в полководцах ту опаску, которую они проявляют при наступлении на обороняемую противником реку.

3. В предыдущей части мы видели, что при известных условиях сама оборона реки обещает значительный успех, и опыт указывает нам, что в действительности этот успех бывает гораздо чаще, чем это предусматривает теория, так как последняя оперирует только реальными данными, в то время как наступающий, обычно представляя себе трудности более значительными, чем они являются в действительности, тем самым тормозит свою деятельность.

Если же речь идет о наступлении, не имеющем в виду решающего результата и производимом не со всепокрушающей энергией, можно смело утверждать, что при выполнении встретится множество мелких препятствий и случайных помех, предусмотреть которые теория не в состоянии, но которые будут направлены в ущерб наступающему; ведь он является действующим лицом, следовательно, ему и придется столкнуться с ними. Достаточно вспомнить, как успешно оборонялись незначительные сами по себе реки Ломбардии. Из истории же мы знаем примеры такой обороны рек, когда они, как средство защиты, не оправдывали возлагавшихся на них надежд; это объясняется переоценкой этого средства обороны, исходящей не из разбора тактических данных, а из упований на подтвержденную опытом действительность обороны рек, притом раздутую еще свыше всякой меры.

4. Но обороняющийся иногда ошибочно связывает всю свою судьбу с обороной реки и ставит себя в такое положение, что ему грозит катастрофа при прорыве через реку. В этих случаях речная оборона может рассматриваться как весьма выгодная для наступающего форма сопротивления, так как легче прорвать оборону реки, чем выиграть обыкновенное сражение.

5. Из всего сказанного становится ясным, что оборона реки чрезвычайно целесообразна в тех случаях, когда решение не ожидается. Но в тех случаях, когда следует ожидать, что энергия противника или его подавляющее превосходство могут привести к решению, неправильно примененная оборона реки может приобрести положительную ценность для наступающего.

6. Лишь в немногих случаях при обороне рек обороняющийся не может быть обойден на всем защищаемом участке или на отдельном пункте реки. Поэтому наступающий, обладающий превосходством сил и стремящийся нанести решающий удар, всегда имеет в своем распоряжении средства, чтобы, демонстрируя их в одном пункте, переправиться в другом. Это позволит преодолеть невыгодные условия боя в первые моменты после переправы посредством численного превосходства и стремительности натиска, ибо превосходство в силах дает возможность осуществить все это. Таким образом, редко или, вернее, никогда не бывает подлинного такти-

ческого форсирования реки, при котором удалось бы подавляющим огнем и превосходящей храбростью отбросить один из главных отрядов противника. Выражение «форсирование переправы» надо понимать всегда лишь стратегически, так как наступающий, хотя и переправляется на участке, слабо или вовсе не защищенном в пределах организованной линии обороны, все же идет на то, чтобы подвергнуться всем невзгодам, которые по расчетам обороняющегося должны сложиться для него из-за переправы. Худшее, однако, что может сделать наступающий, это действительно переправиться в нескольких пунктах, если только последние не расположены вблизи друг от друга и не допускают возможности совместных боевых действий: если обороняющийся должен по необходимости дробить свои силы, то наступающий, разделяя свои силы, отказывается от своего естественного преимущества. Именно вследствие этого Бельгард в 1814 г. проиграл сражение на р. Минчио, где оба противника случайно переправились через реку одновременно, причем австрийцы оказались более разбросанными, чем французы.

7. Если обороняющийся удерживается впереди реки, то, само собою разумеется, имеются два способа победить его стратегически. Первый – когда наступающий, невзирая ни на что, все же переправится где-либо на другой берег и обратит против обороняющегося его же оружие; второй способ – сражение. В первом случае решающее значение получает соотношение базирования и сообщений, хотя нередко бывает, что те или другие частные мероприятия приобретают более решающее значение, чем общие условия. Сторона, сумевшая принять более выгодную группировку и лучше устроиться, добившаяся большей дисциплины, имеющая преимущества в подвижности и т. д., может с успехом бороться против общих условий. Что же касается второго способа, т. е. сражения, то он предполагает у наступающего наличие средств и решимости для ведения боя и соответствующую обстановку. Но при наличии этих предпосылок трудно ожидать, чтобы обороняющийся отважился на подобный способ обороны реки.

8. В конечном выводе приходится сказать, что хотя сама переправа через реку лишь в редких случаях представляет крупные затруднения, но всегда, если только нет стремления к решению, она внушает наступающему такие опасения за последствия и отдаленные возможности, что легко может его остановить. В этом случае наступающий или оставит противника в покое на его стороне реки, или, если переправится через реку, то все же от нее не отойдет. Чрезвычайно редки случаи, когда обе стороны долго остаются друг против друга на противоположных берегах реки.

Однако река имеет важное значение и тогда, когда стремятся к крупным решениям. Она всегда ослабляет наступающего и является ему помехой; наиболее выгодное положение создается для него, если река прельстит обороняющегося и последний решит использовать ее как тактический барьер, полагая в ее защите основную задачу своего сопротивления. В этом случае наступающему представляется возможностью наилегчайшим способом нанести решительный удар⁹. Конечно, в первый же момент нельзя будет добиться полного разгрома противника, но решение сложится из отдельных успешных боев, которые поставят противника в чрезвычайно неблагоприятную обстановку, как это было с австрийцами в 1796 г. на Нижнем Рейне.

⁹ В настоящее время эволюция огнестрельного оружия, расширившая фронты, совершенно изменила основные данные проблемы обороны рек, и последние используются именно как тактический барьер. – *Ред.*

Глава IX. Наступление на оборонительные позиции

В части, посвященной обороне, достаточно разъяснено, в какой мере оборонительные позиции вынуждают наступающего или их атаковать, или отказаться от дальнейшего продвижения. Лишь те позиции, которые достигают этого, являются целесообразными и пригодными поглотить или нейтрализовать силу наступления полностью или частично. Наступление по отношению к такой позиции бессильно, т. е. у него нет средств уравновесить это преимущество обороны. Но не все оборонительные позиции действительно таковы. Если наступающий усмотрит, что он в состоянии достигнуть своей цели, не атакуя позиции противника, то атаковать ее было бы ошибкой. Если позиция препятствует достижению цели наступающего, то спрашивается – нельзя ли угрозой флангу противника заставить его покинуть свою позицию. Только после того, как это средство окажется недейственным, решаются атаковать хорошую позицию, и тогда атака во фланг обычно представляет меньше трудностей. Выбор того или другого фланга зависит от положения и направления путей отступления обоих противников, т. е. от возможности создать угрозу отступлению неприятеля или обеспечить свое. В отношении значительности той или другой возможности может возникнуть даже своего рода соревнование, причем преимущество следует, естественно, отдавать возможности угрожать отступлению противника, так как эта угроза – характера наступательного, между тем как обеспечение собственного отступления есть оборонительное мероприятие. Но надо признать бесспорной и непреложной истиной, что *атаковать крепкого противника, занимающего хорошую позицию, – дело сомнительное*. Нет, правда, недостатка в примерах подобных сражений, притом удачно закончившихся, как Торгау и Ваграм (мы не упоминаем Дрездена, так как нельзя сказать, чтобы там был крепкий противник). Но в общем опасность для обороняющегося незначительна и вовсе отходит на второй план, если учитывать множество случаев, когда решительные полководцы пасовали перед такими позициями.

Но не следует смешивать случай, который мы имеем здесь в виду, с обычным сражением. Большинство сражений – простые встречные столкновения (*rencontres*), в которых одна сторона хотя и стоит неподвижно, но не на подготовленной позиции.

Глава X. Наступление на укрепленный лагерь

Некоторое время господствовало течение – отзываться с большим пренебрежением об окопах и их значении. Это пренебрежение питалось неудачным исходом целого ряда сражений, в которых оборона опиралась на укрепления: кордонные оборонительные линии на границах Франции прорывались не раз, герцог Бевернский потерял сражение при Бреславле в укрепленном лагере, австрийцы были разбиты при Торгау; наконец, победы Фридриха Великого, одержанные благодаря подвижности и с помощью наступательных средств, набросили тень на всякую оборону, на всякий неподвижный бой и в особенности на полевые укрепления. Нельзя, конечно, считать надежной оборону, когда немногие тысячи людей должны защищать протяжение в несколько миль, а укрепления представляют только окопы, обращенные рвом вперед; доверие к такой обороне к добру не приведет. Но разве не будет противоречием или, вернее, нелепостью желание распространить это утверждение на укрепления вообще, уподобляя себя этим (как это делает Темпельгоф) заурядному эскадронному командиру? К чему вообще нужны укрепления, если они не способны усилить оборону? Нет, не один только разум, но сотни и тысячи примеров показывают, что хорошо устроенное, занятое достаточными силами и храбро защищаемое укрепление должно, как правило, считаться неприступным и соответственно рассматриваться и наступающим. Исходя из этого взгляда на значение отдельного укрепления, нельзя сомневаться в том, что атака укрепленного лагеря – задача крайне трудная и в большинстве случаев безнадежная.

Укрепленные лагеря по своей природе занимают слабыми силами; однако в них можно обороняться и против значительно превосходящих сил противника при наличии значительных естественных препятствий и хороших окопов. Фридрих Великий, несмотря на двойное превосходство сил, все же не решился атаковать лагерь у Пирны, и если впоследствии время от времени и утверждали, что лагерь можно было взять, то единственной опорой этого утверждения являлось крайне плохое состояние саксонских войск, что, конечно, не может служить аргументом против целесообразности укреплений вообще. К тому же весьма сомнительно, чтобы те, которые впоследствии считали эту атаку не только возможной, но и легко осуществимой, решились бы сами в действительности на нее.

Итак, мы полагаем, что атака укрепленного лагеря принадлежит к числу самых необычных средств наступления. Лишь в тех случаях, когда укрепления возведены наспех и еще не закончены, а имеющиеся препятствия еще недостаточно усилены; если весь лагерь, как это часто бывает, является лишь схемой того, чем ему надлежало бы быть; если он представляет собой лишь полуготовую стройку, – только тогда атака может быть не только рекомендована, но и явиться путем к легкой победе.

Глава XI. Наступление в горах

Чем являются горные пространства со стратегической точки зрения и каково их значение для обороны и даже для наступления, об этом с достаточной полнотой было сказано уже в V главе¹⁰ 6-й части и в последующих. Там мы пытались вскрыть ту роль, которую играют горы в качестве оборонительной линии, а из этого уже вытекает, как надо оценивать их значение с точки зрения наступающего. Таким образом, нам остается весьма немного сказать по этому важному вопросу. Главный наш вывод был тот, что на оборону гор следует смотреть с совершенно различных точек зрения в зависимости от того, идет ли речь о второстепенном бое или о генеральном сражении. Наступление в первом случае следует рассматривать лишь как неизбежное зло, так как все обстоятельства складываются против него; зато во втором случае оно имеет на своей стороне все преимущества и выгоды.

Таким образом, наступление, исполненное мощи и решимости дать сражение, отыщет своего противника в горах и наверное останется от этого в барыше.

Мы еще раз возвращаемся к этому вопросу, так как трудно ожидать, что наши выводы встретят сочувствие у аудитории: они кажутся противоречащими не только очевидности, но и опыту прежних войн. Действительно, мы в большинстве случаев до сих пор видели, что наступающая армия (ищет ли она генерального сражения или нет – безразлично) считала необычайным счастьем, если противник оставлял незанятым лежащее поперек ее пути горное пространство, и спешила предупредить его в этом. В этой поспешности никто не усмотрит чего-либо противного интересам наступления. Наступающий прав и с нашей точки зрения; все же в данном случае необходимо отдать себе отчет в сущности обстоятельств.

Армия, наступающая на противника с намерением дать ему генеральное сражение и имеющая впереди себя горное пространство, пока не занятое неприятелем, естественно, опасается, чтобы он в последний момент не опередил ее и не занял тех проходов, которые она имеет в виду использовать. Если бы опасения наступающей армии оправдались и обороняющийся занял горы в последний момент, когда направление наступления уже определилось, то наступающая сторона лишилась бы тех преимуществ, которые имеются у нее, когда противник занимает обычную горную позицию. Ведь он уже не будет столь неестественно растянут и не будет находиться в неизвестности о пути движения наступающего. С другой стороны, наступающий уже не сможет координировать выбор своего пути с расположением обороняющегося; таким образом, сражение в горах уже не будет соединено для него с теми преимуществами, о которых мы говорили в 6-й части; при таких обстоятельствах наступающий может натолкнуться на обороняющегося, уже успевшего занять неприступную позицию. В этих условиях в распоряжении обороняющегося оказалась бы возможность извлечь из своего расположения в горах значительные выгоды для генерального сражения. Конечно, это возможно; но не следует забывать о тех трудностях, которые возникнут для обороняющегося в связи с его попыткой устроиться в последний момент на хорошей позиции, которую он к тому же перед этим оставил совершенно незанятой. Поэтому приходится признать подобный способ обороны совершенно ненадежным, следовательно, случай, которого мог бы опасаться наступающий, *невероятен*. Но, несмотря на все его невероятие, вполне естественно, что его боятся, так как на войне многие опасения весьма естественны, хотя по существу и напрасны.

Но есть нечто другое, чего в подобных обстоятельствах может опасаться наступающий, – это оборона гор авангардом противника или цепью его сторожевого охранения. Хотя и этот способ лишь в немногих случаях будет отвечать интересам обороны, но все же при применении

¹⁰ Фактически главы XV, XVI и XVII. – *Ред.*

его наступающий не в состоянии разгадать, до какой степени будет доведено упорство обороны, и потому опасается всего худшего.

Высказанному нами мнению отнюдь не противоречит возможность существования позиции, являющейся благодаря гористому характеру местности совершенно неприступной. Такие позиции существуют и не в горах (Пирна, Шмотзейфен, Мейссен, Фельдкирх), и они особенно пригодны именно потому, что находятся не в горах. Однако легко себе представить, что в горах возможно отыскать позиции, не представляющие обычных неудобств, встречаемых в горном расположении; таковы, например, позиции на высоких плоскогорьях, но подобные позиции крайне редки, а здесь мы можем иметь в виду лишь большинство случаев.

Как мало пригодны горы для решительных оборонительных сражений, это мы видим из истории войн. Великие полководцы всегда предпочитали давать решительные сражения на равнинах. На протяжении всей истории нельзя найти примеров решительных боев в горах, исключая войны революционные, когда ложная практика и злоупотребление аналогией заставляли пользоваться горными позициями и там, где следовало бы ожидать решительных ударов (в 1793 и 1794 гг. в Вогезах и в 1795, 1796 и 1797 гг. в Италии). Все осуждали Меласа за то, что в 1800 г. он не занял альпийских проходов; но эта критика непродуманная, мы готовы сказать – ребяческая, судящая по первому взгляду. Бонапарт на месте Меласа также не занял бы этих проходов.

Распорядок наступления в горах относится по преимуществу к тактике, но все же мы считаем нужным дать следующие указания по общему контуру этого распорядка, наиболее близко соприкасающемуся со стратегией.

1. В горах нельзя, как на другой местности, уклоняться с дороги и невозможно образование из одной колонны двух или трех в случае срочной надобности разделения массы наступающих войск; так как войскам приходится быть втиснутыми в дефиле, то наступление должно вестись по нескольким дорогам, или, иными словами, более широким фронтом.

2. Против широко растянутой обороны в горах наступать, конечно, следует сосредоточенными силами; об охвате такой линии в целом и думать нечего. Достижения значительного боевого успеха надо добиваться скорее при помощи прорыва неприятельского фронта и оттеснения крыльев, чем при помощи охвата, угрожающего сообщениям. Быстрое, безостановочное продвижение вперед по главному пути отступления неприятеля является естественным стремлением наступающего.

3. Если же предстоит атаковать неприятеля в горах в менее растянутой группировке, то обходные движения явятся весьма существенной частью наступления, так как удары в лоб встретят наиболее сильное сопротивление обороняющегося, но обходы должны нацеливаться преимущественно на действительное отрезывание пути отступления неприятеля, а не на тактическую атаку с фланга или с тыла, так как при наличии у противника достаточных сил горные позиции даже с тыла в состоянии оказать большое сопротивление; при этом наискорейшего успеха надо ожидать от страха противника утратить путь отступления, если такое чувство удастся ему внушить. Эти опасения всегда проявляются в горах раньше и действуют сильнее, так как при плохом обороте дела в них не так-то легко проложить себе дорогу штыком. Однако простой демонстрации здесь будет недостаточно; правда, ею можно заставить противника покинуть его позиции, но нельзя добиться значительного успеха; поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы противник был действительно отрезан.

Глава XII. Атака кордонных линий

Когда оборона и атака кордонных линий должны привести к основному решению, то на стороне наступающего оказывается значительное преимущество, так как слишком большое протяжение обороны противоречит всем условиям успеха в решительном сражении еще в большей степени, чем непосредственная оборона реки или горного пространства. Примером могут служить Дененские линии принца Евгения Савойского 1712 г., потеря которых являлась вполне равноценной проигрышу сражения, а между тем Виллар едва ли одержал бы победу над Евгением, если бы последний занимал более сосредоточенное расположение. Оборонительные линии могут внушить уважение только в том случае, если наступающий не стремится к решительному сражению и притом линии заняты главными силами обороны; в этих условиях занятые в 1703 г. Людвигом Баденским Штольгофенские линии внушали почтение самому Виллару. Если же они заняты лишь второстепенной частью армии, то все будет зависеть от силы того отряда, который может быть использован против них. В большинстве случаев он встретит не слишком большое сопротивление, но, правда, и результаты победы редко будут особенно ценными.

Циркумвальные линии осаждающего имеют свой особый характер, и о них мы будем говорить в главе о наступлении на театре войны.

Все расположения кордонного характера, например, усиленная линия сторожевого охранения и прочее, всегда отличаются тем, что они легко поддаются прорыву, но когда прорыв не имеет целью дальнейшее наступление, чтобы добиться решения, то значение его невысоко и не окупает затраченных на него трудов.

Глава XIII. Маневрирование

1 Вопрос о маневрировании был уже нами затронут в XXX главе 6-й части. Хотя маневрирование присуще как наступлению, так и обороне, но все же оно ближе по своей природе к первому, чем ко второй, почему мы и охарактеризуем его здесь несколько подробнее.

2. Маневрирование свойственно не наступлению открытой силой с его крупными сражениями, а такому его осуществлению, которое непосредственно вытекает из средств наступления, например, из воздействия на неприятельские коммуникационные линии на его пути отступления, или из диверсий и пр.

3. Если придерживаться общепринятого словоупотребления, то под понятием маневрирования разумеется такого рода действие, которое вызывается до некоторой степени из ничего, т. е. из равновесия, каковое мы пытаемся нарушить, вовлекая противника на путь ошибок. Это – первые ходы на шахматной доске, борьба равноценных сил, имеющая целью создать счастливый случай для успеха, чтобы, воспользовавшись им, утвердить свое превосходство над противником.

4. Надлежит обратить внимание на следующие существенные элементы, являющиеся отчасти целью, отчасти основой маневрирования:

а) Снабжение продовольствием, от которого пытаются отрезать противника или в котором хотят его ограничить.

б) Соединение с другими отрядами.

в) Угроза связи противника с внутренними областями его страны или с другими армиями или отрядами.

г) Угроза линии отступления.

д) Нападение превосходными силами на отдельные пункты.

Перечисленные пять элементов могут до такой степени внедриться в самые мельчайшие частности данного положения, что последние приобретут превалирующее значение и на некоторое время подчинят себе все остальные интересы. Мост, дорога, укрепление начинают тогда играть первенствующую роль, и все значение их оказывается основанным лишь на их отношении к перечисленным элементам, что нетрудно доказать в каждом отдельном случае.

е) В результате удачного маневра наступающий, или, точнее, активная сторона (которой, конечно, может быть и обороняющийся), овладевает клочком территории, неприятельским складом и т. д.

ж) В стратегическом маневре мы встречаемся с двумя противоположностями, которые могут показаться особыми видами маневрирования, вследствие чего часто делали ложные выводы и создавали ошибочные правила. Хотя они представляют четыре члена, но в действительности мы имеем дело с составными частями одного общего целого. Первая противоположность – это охват и действие по внутренним линиям, вторая – сосредоточение сил и разброска их многими отрядами.

з) Что касается первой противоположности, то безусловно нельзя сказать, чтобы одна из ее двух частей имела принципиальное преимущество перед другой; понятно, что воздействие одной вызывает другую, противоположную, как естественный противовес, как самое подходящее противоядие. С другой стороны, охват однороден с наступлением, действие по внутренним линиям более соответствует обороне; поэтому первая часть чаще привлекает наступающего, а вторая – обороняющегося. Перевес будет на стороне той формы действия, которая используется с большим умением.

и) Также нельзя и во второй противоположности подчинить один ее член другому. Более сильная сторона может себе позволить разбросать свои силы по нескольким пунктам, что создает для нее во многих отношениях более удобные стратегические условия существования

и действия, сберегая в то же время силы войск. Более слабая сторона должна держаться гораздо сосредоточеннее, а вытекающий отсюда ущерб ей следует предотвращать своей подвижностью. Эта большая подвижность предполагает высшую ступень умения совершать марши. Поэтому более слабой стороне придется больше напрягать свои физические и моральные силы. Вот последний вывод, с которым нам, конечно, постоянно придется сталкиваться, если мы будем оставаться последовательными; на него можно до известной степени смотреть как на логическую проверку нашего рассуждения. Действия Фридриха Великого против Дауна в 1759 и 1760 гг. и против Лаудона в 1761 г. и действия Монтекуоли против Тюренна в 1673 и 1675 гг. всегда считались самыми искусными маневрами этого рода, и ими, главным образом, обосновывали мы наши суждения.

к) Мы уже предупреждали, что четыре части указанных двух противоположностей при неправильном их восприятии приводят к ложным выводам и положениям; мы предостерегаем также от переоценки таких общих условий, как база, местность и т. д., и от признания за ними решающего значения, какового в действительности они не имеют. Чем незначительнее интересы, за которые борются, тем большее значение приобретают отдельные подробности местности и данной минуты и тем дальше отходит на второй план все существенное и крупное, не находящее для себя простора в мелочных расчетах. Можно ли себе представить, если смотреть с общей точки зрения, ситуацию, более противоречащую здравому смыслу, чем положение Тюренна в 1675 г., когда он стоял спиной к Рейну на протяжении 3 миль с одним мостом для отступления на своем крайнем правом фланге? Тем не менее его мероприятия достигли цели, и потому справедливо признать за ними высокую степень искусства и разумности. Но этот успех и искусство становятся понятными лишь тогда, когда мы войдем во все подробности и придадим им то значение, которое они получили в данном частном случае.

л) Мы убеждены, что для маневрирования нет никаких постоянных правил и что никакой метод и никакой общий принцип не могут служить для него указанием, но полагаем, что победа в борьбе достанется той стороне, которая проявит больше предприимчивости, точности, порядка, бесстрашия и дисциплины. Эти свойства и позволяют, главным образом, извлекать ощутительные результаты в таком состязании.

Глава XIV. Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах

Как мы уже упоминали, говоря об обороне, болота, т. е. непроходимые луговины, перерезанные только немногими плотинами, представляют особые трудности для тактического наступления. Ширина их почти всегда препятствует возможности прогнать артиллерийским огнем с противоположного берега противника и устроить переправу. Стратегическим следствием этого является стремление избежать необходимости атаки в болотах путем их обхода. Но в культурных условиях, встречающихся в некоторых местностях, где через болота проложено много проходов, хотя и может быть оказано относительно сильное сопротивление, но недостаточное для решающей обороны, и для последней болотистые пространства оказываются непригодными. Но если, по примеру Голландии, заболоченность почвы может быть усилена наводнением, то сопротивляемость обороны может быть доведена до непреодолимости, и всякое наступление в этих условиях потерпит крушение. Это доказала Голландия в 1672 г., когда после взятия французами всех расположенных вне линии затопления крепостей и занятия их гарнизонами у них осталось еще 50000 солдат, которые сначала под командой Конде, а затем Люксембурга оказались не в состоянии преодолеть линию наводнений, хотя последнюю защищало не более 20000 человек. Если поход пруссаков в 1787 г. под начальством герцога Брауншвейгского против голландцев дал противоположный результат и эти линии были взяты почти при равенстве сил и с ничтожными потерями, то причину этого следует искать в разединившем обороняющихся политическом положении и отсутствии единого командования. Но все же нет сомнения, что успех этого похода, т. е. прорыв наступающего через последнюю линию затопления до самых стен Амстердама, висел на волоске, а потому удача пруссаков не позволяет делать никаких заключений. Этим волоском явилось отсутствие наблюдения со стороны голландцев за Гаарлемским морем, что дало герцогу возможность обойти оборонительную линию и выйти в тыл голландцам у Амсельвена. Имей голландцы несколько кораблей на этом море, герцог никогда бы не дошел до Амстердама.

Какое влияние оказало бы это обстоятельство на условия мира, об этом здесь говорить не станем, но можно быть уверенным, что не было бы и речи о преодолении последней линии затопления.

Правда, зима является естественным врагом этой оборонительной меры, чем воспользовались французы в 1794 и 1795 гг., но для этого надо, чтобы зима была суровая.

Мы отнесли к числу средств, оказывающих сильную поддержку обороне, труднодоступные леса. Однако лес никогда не бывает настолько непроходимым, как реки и болота, и потому тактическая сила отдельных участков не может считаться столь же надежной, так как наступающий в состоянии пройти через лес, если последний не исключительно велик, по нескольким близко проложенным друг от друга путям. Но если значительные пространства почти сплошь покрыты лесами, как это имеет место в России и Польше, и у наступающего не хватит сил для того, чтобы через них прорваться, то его положение действительно будет очень тяжелым. Достаточно упомянуть хотя бы о трудностях, которые встретит снабжение продовольствием, и о том, как мало возможностей у наступающего во мраке лесов заставить противника почувствовать свое численное превосходство. Подобное положение, несомненно, одно из худших, в какое может попасть наступающий.

Глава XV.¹¹ Наступление на театре войны, когда ищут решения

Уже в 6-й части, говоря об обороне, мы затронули большинство опросов, относящихся к этой главе и проливающих достаточный, хотя и отраженный, свет на наступление.

Понятие о замкнутом театре войны вообще больше связано с обороной, чем с наступлением. В настоящей части мы уже рассмотрели некоторые существенные вопросы *об объекте наступления, о сфере действия победы* и т. д.¹². На самое же глубокое и существенное в отношении природы наступления мы сможем указать, лишь когда будем говорить о плане войны. Однако кое-что может быть сказано и сейчас. Начнем с похода, *предпринятого с целью добиться крупного решения*.

1. Важнейшая цель наступления – это победа. Наступающий в состоянии преодолеть все природные выгоды обороны только превосходством своих сил и, пожалуй, еще с помощью того скромного преимущества, какое дает наступающей армии сознание того, что она наступает и движется вперед. Впрочем, в большинстве случаев влияние этого чувства переоценивается: оно недолговечно и не может противостоять серьезным испытаниям. Само собой разумеется, что мы исходим здесь из предположения, что обороняющийся действует столь же безошибочно и целесообразно, как и наступающий. Этим замечанием мы хотим рассеять туманные идеи о неожиданном нападении и внезапности как об обильнейшем источнике побед наступающего; в действительности они не имеют места без наличия особых обстоятельств. Как обстоит дело с неожиданным нападением в стратегии, мы уже говорили в другом месте¹³. Итак, если наступление не обладает физическим превосходством, то на его стороне должно быть превосходство моральное, чтобы уравновесить невыгодные стороны более слабой формы, какой является наступление. Где нет и этого превосходства, там наступление ничем не оправдывается и к успеху не приведет.

2. Подобно тому, как душой обороны должна быть осторожная предусмотрительность, так душой наступления должны быть смелость и уверенность в своих силах. Отсюда, конечно, не следует, чтобы каждая из двух сторон не нуждалась в качествах другой, но названные качества ближе подходят к задачам соответственно наступления и обороны. Вообще эти качества потому и нужны, что военная деятельность представляет собою не упражнение в математических выкладках, но совокупность действий, происходящих в области тьмы или по меньшей мере сумерек, где приходится верить свою судьбу тому вождю, который является наиболее пригодным для нашей цели. Чем слабее духом обороняющийся, тем больше дерзости должен проявлять наступающий.

3. Для того, чтобы победить, необходимо встретить главные силы противника. Это менее сомнительно при наступлении, чем при обороне, так как наступающему остается только отыскать обороняющегося на его позициях. Однако, говоря об обороне, мы утверждали, что если обороняющийся расположился ошибочно, то наступающему искать его не приходится, ибо можно быть уверенным, что обороняющемуся придется самому отыскивать наступающего, у которого тогда будет преимущество, что его противник находится не на заранее подготовленной позиции. В данном случае все зависит от важнейших путей и направлений. Этот вопрос, когда мы говорили об обороне, оставлен нами открытым, со ссылкой на настоящую главу, поэтому здесь мы изложим все необходимое по этому вопросу.

¹¹ Эта краткая, но очень ценная глава является стержнем всей 7-й части. – *Ред.*

¹² В 7-й части такой главы нет; этому вопросу посвящена глава X 4-й части. – *Ред.*

¹³ Часть 3-я, глава IX. – *Ред.*

4. Уже раньше мы указали, что может быть объектом наступления¹⁴ и в чем, следовательно, будет смысл победы; если эти объекты находятся в пределах атакуемого театра войны и вместе с тем в пределах вероятной сферы победы, то естественным направлением удара будут ведущие к ним пути. Но не следует забывать, что объект наступления приобретает свое значение обычно только с победой, и потому мы должны всегда мыслить его в неразрывной связи с победой. Задача наступающего не в том, чтобы достигнуть самого объекта, а в том, чтобы овладеть им в качестве победителя, и потому удар должен нацеливаться не столько против самого объекта, сколько на тот путь к нему, на котором должна будет оказаться неприятельская армия. Этот путь и является ближайшим объектом наступления. Наивысшей победы мы добьемся тогда, когдаотрежем армию противника от объекта и разобьем ее раньше, чем она дойдет до него. Допустим, что главный объект наступления – неприятельская столица, а противник не расположился между нею и армией наступающего; тогда наступающий поступил бы неправильно, направившись прямо к столице: лучше нацелиться на сообщения между армией неприятеля и его столицей и там добиваться победы, которая доставит и обладание столицей.

Если в пределах сферы победы наступающего нет крупного объекта, то первенствующее значение приобретают сообщения армии противника с ближайшим крупным объектом. Поэтому каждый наступающий должен задать себе вопрос: если мне посчастливится в сражении, то что извлеку я из этой победы? Естественное направление удара должно вести на объект, которым желают завладеть, и если обороняющийся расположился именно в этом направлении, то поступил правильно, и тогда наступающему не остается ничего иного, как идти на него. Если обороняемая позиция слишком сильна, то наступающий может сделать попытку пройти мимо, т. е. по нужде совершить обход, обращая необходимость в добродетель¹⁵. Если же противник расположился ошибочно, то наступающий идет на упомянутый объект и, поравнявшись с противником, – если последний не принимает в сторону, чтобы перехватить наступление, – сворачивает на линии его сообщений с этим объектом, дабы там встретить неприятельскую армию. Но если бы последняя не сдвинулась с места, то наступающему пришлось бы вернуться и атаковать ее с тыла.

Когда приходится выбирать между разными путями, следует отдавать предпочтение большему торговому дорогам, которые являются наиболее естественными и лучшими. Если пути эти делают слишком крутые колена, то для спрямления этих участков необходимо избрать иные, хотя и более узкие пути, так как путь отступления, значительно уклоняющийся от прямой линии, представляет всегда значительный риск.

5. У наступающего, который стремится к решительному результату, редко имеется повод разбрасывать свои силы, и если такое дробление все же имеет место, то его приходится рассматривать как ошибку, вызванную неясностью положения. Итак, нужно продвигать все колонны на фронте такой ширины, чтобы они могли принять одновременно полностью участие в сражении. Это будет особенно выгодно, если противник разбросал свои силы; в таком случае, чтобы удержать это выгодное положение, самому наступающему, может быть, придется произвести небольшие демонстрации, являющиеся до известной степени стратегическими *fausses attaques*¹⁶; разделение сил наступающего, вызываемое этим обстоятельством, надо признать целесообразным.

Неизбежное разделение наступающей армии на несколько колонн должно быть использовано для организации тактического наступления в форме охвата, так как последняя естественна для наступления и игнорировать ее без особой нужды не следует. Однако охват не должен выходить из пределов тактики, потому что охват стратегический в момент нанесения

¹⁴ Часть 7-я, глава III. – *Ред.*

¹⁵ *Aus der Not eine Tugend machen* – очень близкая оперативному искусству пословица. – *Ред.*

¹⁶ Ложные атаки. – *Ред.*

крупного удара являлся бы недопустимым расточением сил. Он мог бы быть оправдан только в том случае, когда наступающий настолько силен, что в успехе нет никакого сомнения.

6. Но и наступление нуждается в осторожности, так как и у наступающего имеется тыл и сообщения, которые необходимо обеспечить. Это обеспечение должно по возможности достигаться самым способом наступления, *eo ipso*¹⁷ самой наступающей армией. Если же для этого окажутся необходимыми особые части, выделенные из армии, то это, естественно, может только повредить силе удара. Так как значительная армия наступает обычно на фронте шириной не менее одного перехода, то она в большинстве случаев сама прикрывает свои сообщения и путь отступления, если направление их не слишком отклоняется от перпендикуляра к линии фронта.

Степень опасности, которой подвергаются тыл и сообщения наступающего, зависит, главным образом, от положения и характера противника, но у обороняющегося вообще нет предпосылок для подобных покушений, когда над всем довлеет атмосфера предстоящего крупного решения; поэтому обычно наступающему с этой стороны не грозит серьезной опасности. Но когда продвижение прекращается и наступающий сам переходит мало-помалу к обороне, то прикрытие тыла становится все более насущной задачей, превращаясь постепенно в основную¹⁸. Так как по самой природе своей тыл наступающего слабее тыла обороняющегося, то последний может начать действия против сообщений наступающего еще задолго до перехода своего в действительное наступление и даже тогда, когда, отходя назад, он все еще продолжает уступать территорию противнику.

¹⁷ Тем самым. – *Ред.*

¹⁸ Глубокую верность этого замечания Клаузевица легко оценить на примере германского вторжения во Францию в 1914 г. Пока кризис не разрешился, тыл наступающего, почти не прикрытый со стороны моря и Нижней Сены, не подвергался сколь-нибудь серьезным покушениям. Обстановка решительно изменилась после Марны: когда наступающий перешел к обороне, прикрытие германского тыла с одной стороны и нападение на него с другой явились основными моментами «бега к морю». – *Ред.*

Глава XVI. Наступление на театре войны, когда не ищут решения

1. Если нет ни воли, ни достаточных сил для крупных решительных действий, все же может существовать определенное намерение произвести стратегическое наступление, направленное, однако, на какой-нибудь менее важный объект. Если оно удалось, то с достижением цели все приходит в состояние покоя и равновесия. Если же встретятся те или иные затруднения, то общее продвижение вперед затухает еще раньше; на смену ему выступают случайное наступление и стратегическое маневрирование. Таков характер большинства походов.

2. Объектом такого рода наступления может быть следующее:

а) *Часть территории*; ее занятие даст продовольственные выгоды, пожалуй, откроет возможность собрать контрибуцию, сбережет средства своей страны и к тому же может послужить эквивалентом при заключении мира. Иногда к этим мотивам наступления присоединяется понятие о чести оружия, как это беспрестанно наблюдалось у французских полководцев времен Людовика XIV. Весьма существенным является вопрос: возможно ли удержать за собой эту часть территории? Утвердительно можно ответить только в том случае, если она будет смежной с территорией собственной, составляя естественное ее дополнение. Только такие части территории могут играть роль эквивалента при заключении мира, другие занимаются обычно лишь на время кампании и зимой очищаются.

б) *Неприятельский склад, но только значительный*, так как незначительный не может служить объектом наступления, определяющего всю кампанию в целом. Овладение складом приносит само по себе ущерб обороняющемуся, а наступающему прибыль; но в данном случае главная выгода для последнего в том, что обороняющийся вынуждается этой утратой несколько отступить и очистить часть территории, которую он без этого удержал бы за собой. Таким образом, захват магазина, в сущности, – только средство, и мы упоминаем о нем здесь лишь потому, что этот захват является ближайшей конкретной целью действий.

в) *Взятие крепости*. Мы посвятили вопросу взятия крепостей отдельную главу¹⁹ и отсылаем к ней читателя. Высказанные в ней положения в достаточной степени объясняют, почему крепости всегда составляют первенствующий и наиболее излюбленный объект тех наступательных войн и походов, которые не могут быть нацелены на полное сокрушение противника или на завоевание значительной части его территории. Этим легко объясняется, почему в изобилующих крепостями Нидерландах все постоянно сводилось к вопросу об овладении той или другой крепостью, причем в большинстве случаев цель постепенного завоевания целой провинции *даже не являлась основной*, и каждая крепость рассматривалась как самодовлеющая величина, представляющая сама по себе ценность, причем, пожалуй, обращали больше внимания на легкость и удобство осады, чем на ценность самой крепости.

Между тем осада сколько-нибудь значительной крепости – предприятие всегда серьезное, так как требует крупных денежных расходов, а на них приходится обращать особое внимание в войнах, не затрагивающих вопроса о существовании государства. В этих условиях такая осада является чрезвычайно существенной частью стратегического наступления. Чем незначительнее крепость или чем с меньшей серьезностью ведется осада, чем слабее подготовка к ней, чем больше предполагают все сделать *en passant*²⁰, тем ничтожнее окажется эта стратегическая цель и тем более будет соответствовать она пустым намерениям и слабым силам; часто все снизойдет на степень простой комедии, поставленной только потому, что наступающий чувствует себя обязанным что-то делать.

¹⁹ Следующая, XVII глава. – *Ред.*

²⁰ Мимоходом. – *Ред.*

г) *Удачный бой, дело* или, пожалуй, даже *сражение* из-за трофеев или хотя бы одной лишь чести оружия, а иногда просто из-за честолюбия полководца. В том, что это бывает, может сомневаться только тот, кто совершенно не знаком с военной историей. Именно к этому разряду принадлежит большинство наступательных сражений, данных французскими полководцами эпохи Людовика XIV. Но нельзя не отметить, что подобные бои не были лишены объективного значения и не являлись результатом только честолюбия. Они оказали весьма определенное и весьма решительное влияние на условия мира и, следовательно, вели достаточно прямо к намеченной цели. Честь оружия, моральное превосходство армии и полководца – все это действует невидимым образом, но непрестанно сказываясь на всей военной деятельности в целом.

Бой с такой целью, правда, исходит из предпосылки, что, во-первых, перспектива победы достаточно вероятна и, во-вторых, в случае проигрыша сражения не слишком многое будет поставлено на карту. Не следует, конечно, смешивать такие сражения, которые даются в стесненных обстоятельствах ради ограниченных целей, с теми, победа в которых остается неиспользованной из-за моральной слабости победителя.

3. Все указанные объекты, за исключением последнего²¹, могут быть достигнуты без значительных боев, и наступающий обычно стремится достигнуть своей цели без таковых. Средства, которыми пользуется для этого наступающий, не рискующий вступить в решительное сражение, вытекают из тех интересов, которые приходится обороняющемуся ограждать в пределах театра войны; они, следовательно, будут заключаться в угрозе сообщениям его с источниками снабжения (магазинами, плодородными областями, водными путями и т. п.), или с пунктами особой важности (мостами, горными проходами и т. д.), или с другими частями его армии, в занятии наступающим сильной позиции, чрезвычайно стесняющей противника, который не в состоянии выжить из нее наступающего, а также в занятии богатых городов, плодородных участков территории, местности с беспокойным населением, каковое можно побудить к восстанию, и в угрозе слабым союзникам противника. Действительный прорыв наступающим сообщений, которые обороняющийся не может восстановить без крупных жертв, вынуждает последнего отнестись к своему расположению назад или в сторону, чтобы продолжать прикрывать объект, обнажив пункты менее для него важные. Таким образом, оставляется без защиты или часть территории, или магазин, или путь к крепости, чем создается возможность захватить первые и осадить вторую. При этом могут происходить более или менее крупные бои, но так как к ним не стремятся и они не являются целью, а только неизбежным злом, то по своим размерам и значению они не переступают известных пределов.

4. Воздействие обороняющегося на сообщения наступающего представляет реакцию, которая в войнах, нацеленных на крупное решение, может иметь место только при очень большой длине операционной линии; эта форма реакции более родственна войнам без крупных решений. Правда, в последнем случае сообщения наступающего редко достигают значительной длины, но здесь не так уже важно нанести противнику тяжелые потери; часто оказывается достаточным создать неприятелю затруднения в области снабжения или сократить таковое, а если сообщения противника не столь растянуты в пространстве, то это возмещается растяжкой во времени, которое может быть затрачено на этот способ борьбы с врагом. Отсюда весьма важной заботой для наступающего является прикрытие своих стратегических флангов. Когда между наступающим и обороняющимся возникает такого рода состязание, то первому из них приходится восполнять превосходством сил естественные невыгоды своего положения. Если у наступающего хватит достаточно сил и решимости нанести сильный удар какому-нибудь значительному отряду или даже главным силам неприятеля, то угроза, которая будет висеть над головой последнего, будет служить лучшим прикрытием наступающему.

²¹ Под литерой «г». – *Ред.*

5. Наконец, мы должны упомянуть еще об одном важном преимуществе, каковым в войнах этого рода обладает наступающий, а именно: он правильнее может судить о намерениях и силах противника, чем обороняющийся о нем. Гораздо труднее предвидеть заранее, до какой степени дойдет дерзость и предприимчивость наступающего, чем решить вопрос о том, замышляет ли обороняющийся какую-либо крупную операцию. Обычно одно то, что противник остановил свой выбор на обороне как форме ведения войны, указывает на отсутствие у него активных замыслов. Кроме того, подготовка к серьезному контрудару заметно отличается от обычной подготовки к обороне; гораздо труднее уловить различие между приготовлениями наступающего крупного или же ограниченного размаха. Наконец, обороняющийся вынужден принимать свои меры заранее, благодаря чему у наступающего есть преимущество: он отвечает на уже сделанный ход²².

²² В настоящее время подготовка наступления стала такой громоздкой (железнодорожные линии, шоссе, аэродромы и т. п.), что и здесь крупное наступление может обнаружить себя заранее. — *Ред.*

Глава XVII. Атака крепостей

Здесь мы подвергаем разбору атаку крепостей, конечно, не с точки зрения фортификации, а под углом зрения, во-первых, стратегического смысла атаки, во-вторых, выбора между несколькими крепостями и, в-третьих, способов прикрытия осады.

Понятно, что потеря крепости ослабляет оборону, в особенности если эта крепость являлась существенной ее частью. С другой стороны, бесспорно, что наступающий, овладев крепостью, приобретает в связи с этим много выгод, так как он может прикрыть ею часть территории, свое расположение или использовать ее для обеспеченного расположения своих складов и депо. Наконец, взятые крепости представляют для наступающего самую крепкую опору, когда он окажется вынужденным перейти к обороне. Все сказанное нами в части этого труда, посвященной обороне, о крепостях и их значении в ходе войны, в достаточной степени разъясняет вопрос и об атаке на них.

В вопросах целесообразности атаки крепостей существует резкое различие между походами с установкой на крупное решение и другими видами походов. В первом случае на осаду крепостей всегда приходится смотреть как на неизбежное зло.

Пока обстановка заставляет искать окончательного решения, осаждают только такие крепости, которые оставить неосажденными нельзя. Когда решение уже состоялось, когда кризис и напряжение сил на некоторое время уже миновали и, таким образом, наступила пауза, взятие крепостей может последовать как закрепление сделанных завоеваний; при таком положении осада крепостей если и не обходится без усилий и жертв, то все же не влечет за собой опасности. Осада же крепости в период кризиса значительно обостряет последний во вред наступающему; очевидно, ничто не ослабляет в такой степени силы наступающего и, следовательно, не подрывает так в самое нужное время его превосходство, как подобного рода осада. Однако бывают случаи, когда взятие той или другой крепости является совершенно необходимым, раз наступление должно продолжаться, и тогда на осаду следует смотреть как на интенсивное развитие наступления. В подобном положении кризис становится тем напряженнее, чем меньше до него было достигнуто крупных успехов. Об остальном по этому вопросу будет сказано в части, посвященной плану войны.

В походах с ограниченной целью овладение крепостью является обычно уже не средством, а самым смыслом действия; на взятую крепость смотрят как на небольшое, но определенное завоевание, а как таковое, она обладает следующими преимуществами перед другими.

1. Крепость является небольшим, резко ограниченным объектом завоевания, не требующим величайшего напряжения сил, почему не приходится опасаться неудачи.
2. При заключении мира крепость можно использовать как предмет обмена.
3. Осада является интенсивным развитием наступления или по крайней мере производит впечатление такового, но не вызывает возрастающего ослабления сил, что неизбежно при всяком другом виде развития наступления.
4. Осада является предприятием, не сопряженным с риском испытать катастрофу.

По всем этим причинам взятие одной или нескольких крепостей обыкновенно становится целью стратегического наступления, не способного поставить себе более крупную цель.

При выборе крепости как объекта осады в случае каких-либо сомнений нужно руководствоваться:

- а) удобством удержания взятой крепости за собою, так как это удобство поднимает ее цену как предмета обмена при заключении мира;
- б) наличием средств для осады; при ограниченных средствах следует осаждать лишь небольшие крепости, так как лучше овладеть небольшой крепостью, чем потерпеть неудачу перед большой;

в) фортификационной силой крепости; последняя не всегда пропорциональна значению крепости, и было бы верхом нелепости нести тяжелые жертвы перед очень сильной, но не имеющей значения крепостью, когда можно избрать объектом атаки менее сильную;

г) вооружением и снабжением крепости и силой ее гарнизона; если крепость снабжена слабо и занята незначительным гарнизоном, то, естественно, взять ее будет легче; но при этом надо заметить, что обилие вооружения, снабжения и сильный гарнизон являются в то же время данной, определяющей *ее значение*, так как гарнизон и запасы крепости более непосредственно являются частью вооруженных сил неприятеля, чем крепостные верки²³; поэтому скорее оккупит понесенные жертвы взятие крепости с сильным гарнизоном, чем крепости с особо сильными укреплениями;

д) относительной легкостью доставки осадных средств; большинство неудач при осадах происходит вследствие недостачи осадных средств, вызываемой трудностью подвоза; наиболее яркие примеры этого: осада Ландресси принцем Евгением Савойским в 1712 г. и Ольмюца Фридрихом Великим в 1758 г.;

е) и, наконец, надо еще иметь в виду более легкую возможность прикрытия осады.

Осаду можно прикрывать двумя совершенно различными способами: во-первых, при помощи укреплений, ограждающих осаждающую армию, т. е. циркумвальной линией, и, во-вторых, так называемой обсервационной линией. Первый способ уже совершенно вышел из употребления, хотя в его пользу говорит весьма существенный аргумент, а именно: армия наступающего при этом не ослабляет себя разделением сил и избегает, таким образом, основных отрицательных сторон, присущих положению осаждающего. Впрочем, весьма заметное ослабление порождается при этом с другой стороны, так как:

а) длинная циркумвальная линия требует в большинстве случаев непомерной раскладки сил армии;

б) если бы осажденный гарнизон был приобщен к подходящей ему на помощь армии, то он восстановил бы только ее первоначальную силу; *в этих же условиях* он является как бы неприятельским корпусом, расположенным внутри нашего лагеря, и при этом корпусом *неуязвимым* за крепостными валами, на которые он опирается; в течение некоторого времени его сопротивление не может быть сломлено, что, конечно, в значительной мере усиливает его значение;

в) оборона циркумвальной линии может быть только абсолютно пассивной, так как она имеет форму кольца с фронтом наружу, самую невыгодную и слабую из всех возможных позиций, крайне препятствующую всем попыткам перехода в наступление. Остается только обороняться в своих окопах до последней крайности. Легко понять, что эти условия могут вызвать гораздо большее ослабление осаждающей армии, чем уменьшение армии примерно на одну треть ее состава, когда она переходит в положение обсервационной²⁴. Если при этом принять во внимание всеобщее со времени Фридриха Великого отвращение к окопам и увлечение подвижностью, маневрированием и так называемыми наступательными действиями (которые по существу не всегда являются таковыми), нас не должно удивлять, что циркумвальные линии теперь совершенно вышли из моды. Однако упомянутые слабые места их тактической обороны отнюдь не являются их единственным недостатком, и если мы упомянули о предрассудках, примешивающихся к суждению о циркумвальных линиях, то перечислим и действительные свойственные им недостатки. Циркумвальная линия прикрывает в сущности только заключающееся в ее пределах пространство, предоставляя противнику почти весь остальной театр войны, если для его прикрытия не выделены особые отряды, что опять-таки

²³ От нем. Werk (укрепление) – отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону. Термин появился у нас в XVIII в.; в настоящее время применяется редко, главным образом в исторических трудах и в иностранной литературе (http://www.szst.ru/library/shperk_s/003.html). – Изд.

²⁴ Вследствие выделения одной трети для ведения осады. – *Ред.*

влечет за собой раздробление сил, которого как раз и хотят избежать. При подобной обстановке осаждающий всегда будет испытывать опасения и затруднения хотя бы при подвозе всего необходимого для осады. Да и вообще, если количество необходимых для осаждающей армии припасов и средств достигает внушительных размеров, а неприятель имеет в поле значительные силы, то прикрытие циркумвальных линиями возможно лишь в обстановке, подобной существующей в Нидерландах, где целая система расположенных вблизи одна от другой крепостей и оборонительных между ними линий прикрывает остальную территорию и значительно сокращает линии подвоза. В эпоху Людовика XIV с группировкой армии еще не связывали понятия театра войны. Так, во время Тридцатилетней войны армии двигались спорадически с места на место, подходя то к одной, то к другой крепости, вблизи которых не было неприятельских отрядов, и осаждали их до тех пор, пока хватало привезенных с собой осадных средств или пока не поспевала на выручку осажденным неприятельская армия. При таких условиях циркумвальные линии соответствовали обстановке.

В будущем они едва ли найдут себе применение; разве только в том случае, если противник выставит незначительные действующие силы и понятие театра войны по сравнению с самой осадой отойдет на второй план. В таком положении и впредь будет целесообразным держать свои силы сосредоточенными во время осады, что бесспорно придает последней большую энергию.

В эпоху Людовика XIV циркумвальные линии у Камбрэ и Валансьена оказались мало действенными; в первом случае, защищаемые принцем Конде, они были взяты приступом Тюренном, а во втором – Конде форсировал подобные же линии Тюренна. Однако не следует забывать, что в бесчисленных других случаях они внушали должное почтение даже тогда, когда налицо была самая настоятельная необходимость освободить осажденную крепость, а полководец обороняющейся стороны отличался большой предприимчивостью. Так, Виллар в 1708 г. не решился атаковать союзников в их линиях у Лилля. Фридрих Великий в 1758 г. под Ольмюцем и в 1760 г. под Дрезденом создал если не подлинные циркумвальные линии, то оборонительные системы, по существу совпадавшие с последними, так как он одной и той же армией осаждал и прикрывал осаду. Под Ольмюцем прибегнуть к этой мере его побудило удаление, на котором находилась от него австрийская армия, но ему пришлось раскаться в своем решении вследствие потери транспортов у Домштедтеля. Что тот же прием был применен под Дрезденом, объясняется пренебрежительным отношением Фридриха Великого к имперской армии и той поспешностью, с какою он стремился овладеть Дрезденом.

Наконец, минусом циркумвальной линии является то обстоятельство, что при наличии ее в случае неудачи трудно спасти осадную артиллерию. Если решительный бой произойдет на расстоянии одного или нескольких переходов от осажденной крепости, то можно снять осаду раньше, чем неприятель успеет приблизиться, и убрать на переход отходящий осадный парк.

В вопросе о расположении наблюдательной армии прежде всего необходимо решить, на каком удалении от осажденной крепости ей следует находиться. В большинстве случаев этот вопрос разрешается в связи с условиями местности или положением других армий и отрядов, с которыми осаждающая армия хочет сохранить связь. В остальном нетрудно усмотреть, что при увеличении расстояния достигается лучшее прикрытие осады, а при небольшом расстоянии, не превышающем нескольких миль, армиям, осаждающей и прикрывающей, легче оказать поддержку друг другу.

Глава XVIII. Нападение на транспорты

Атака и оборона транспорта – дело тактики, и о них можно было бы здесь не упоминать, если бы в известной степени не требовалось предварительно установить условия возможности этих действий, что относится к области стратегии. Мы могли бы, конечно, затронуть эту тему, говоря об обороне, но то немногое, что по этому поводу вообще может быть высказано, легко изложить одновременно применительно и к наступлению, и к обороне, причем первое в разбираемом вопросе играет главную роль.

Среднего размера транспорт в 300 или 400 повозок с любым грузом растягивается в длину на полмили, более значительный – на несколько миль. Каким же образом можно прикрыть столь растянутый участок теми ничтожными силами, какие обычно сопровождают обозы? Если прибавить к этому еще малоподвижность всей этой массы, ползущей чрезвычайно медленно и находящейся под постоянной угрозой замешательства; если к тому же принять во внимание, что каждую часть транспорта надо прикрывать отдельно, так как если противник настигнет эту часть, то весь транспорт придет в смятение, – невольно возникает вопрос: возможно ли вообще защищать и прикрывать подобного рода обозы или, иными словами, почему не все атакованные транспорты бывают взяты и почему не все нуждающиеся в прикрытии, т. е. доступные нападению, бывают атакованы?

Ведь бесспорно, что любые тактические меры, как, например, совершенно непрактичное сокращение растяжки транспорта посредством непрерывного вытягивания и выстраивания его, предлагаемое Темпельгофом, или, что много лучше, разделение его, по совету Шарнгорста, на несколько колонн, не могут сколько-нибудь существенно ослабить основные невыгоды обороны транспорта.

Разрешение загадки заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев безопасность транспортов обеспечивается стратегической обстановкой. В этом преимущество транспортов перед всеми другими частями армии, доступными воздействию на них неприятеля, в этом и причина дееспособности даже ничтожных средств транспортной обороны. Транспорты почти всегда находятся в тылу собственной армии или по меньшей мере на значительном расстоянии от неприятельской. Поэтому против них могут быть направлены лишь небольшие отряды, которые к тому же оказываются вынужденными выделять крупные резервы для прикрытия самих себя. К этому нужно добавить, что вследствие неуклюжести транспортных повозок нападающий, даже захватив их, все же обычно их не увозит, а ограничивается тем, что обрубит постромки, уведет лошадей, взорвет зарядные ящики и т. д., что, конечно, задержит и дезорганизует транспорт, но не погубит его окончательно. Все сказанное достаточно ясно доказывает, что безопасность транспорта зависит в большей степени от общих стратегических условий, чем от сил его прикрытия. А если вдобавок это прикрытие, хотя и не имеющее возможности оказать непосредственной защиты всему транспорту, произведет решительный натиск, то может расстроиться весь план неприятельского нападения. Таким образом, в конце концов оказывается, что нападение на транспорты не только не обещает верного успеха, но, наоборот, представляет изрядные трудности, и результаты его являются необеспеченными.

Но остается еще главное – возможность возмездия со стороны противника, который, узнав о нападении на его транспорт, захочет отомстить и, чтобы наказать противника, нанесет ему решительное поражение. Боязнь этого заставляет отказываться от множества начинаний, причем настоящая причина такой нерешительности остается неизвестной; ее объясняют наличием прикрытия и недоумевают, как оно, несмотря на свои жалкие возможности, в состоянии внушить к себе так много уважения. Чтобы почувствовать всю справедливость сказанного, вспомним о знаменитом отступлении Фридриха Великого через Богемию в 1758 г. после снятия им осады Ольмюца, когда половина его армии была разбита на отряды для прикры-

тия обоза, состоявшего из 4000 фургонов. Что же помешало Дауну напасть на это уродливое чудище? Конечно, страх, что король нападет на него с остальной половиной своей армии и втянет его в сражение, к которому Даун не стремился. Что воспрепятствовало Лаудону у Чишбо-виц раньше и решительнее напасть на транспорт, вблизи от которого он все время находился? Опять-таки опасение хорошо получить по рукам. Находясь в 10 милях от своей главной армии, но совершенно от нее отрезанный армией пруссаков, он опасался возможности чувствительного поражения в том случае, если бы король, которого Даун вовсе не связывал, бросился на него с большей частью своих сил.

Транспортам лишь тогда угрожает действительная и большая опасность и, следовательно, лишь тогда они являются выгодным объектом для атаки, когда стратегическое положение армии таково, что она находится в противоестественных условиях и ей доставляют все необходимое не из тыла, а с фланга или даже из впереди лежащей местности. Уже упоминавшийся поход 1758 г. дает нам пример удачного захвата транспорта у Домштедтеля. Дорога в Нейссе тянулась влево от расположения пруссаков, а силы короля были настолько связаны осадой и необходимостью выставить заслон против Дауна, что австрийским партизанам не приходилось опасаться за себя и они могли с полным спокойствием приступить к своему нападению.

В 1712 г. Евгений Савойский во время осады Ландресси подвозил снабжение осадной армии из Бушена через Денен, т. е. по местности, лежавшей перед фронтом его стратегической группировки. Известно, к каким мерам ему пришлось прибегнуть для осуществления прикрытия в столь тяжелых условиях и в какое он попал затруднительное положение, приведшее к коренному изменению всего хода кампании²⁵.

Окончательный наш вывод сводится к тому, что хотя атака транспортов и представляется с точки зрения тактики предприятием очень легким, но в действительности осуществить ее далеко не так легко по причинам стратегическим, и успеха можно ждать лишь в том случае, если сообщения противника значительно более открыты, чем это имеет место обычно.

²⁵ Для прикрытия подвоза были выделены значительные силы: транспорты двигались между двумя рядами сплошных укреплений. Все же Виллар прорвал у Денена сообщения Евгения Савойского и вынудил последнего отказаться от вторжения во Францию, снять осаду Ландресси и отступить. – *Ред.*

Глава XIX. Нападение на квартирное расположение неприятельской армии²⁶

Предмет, о котором мы предполагаем говорить здесь, не был рассмотрен нами, когда мы говорили об обороне, так как расквартирование – по существу только состояние, в котором находится армия, а не оборонительное средство, причем это состояние связано с резким понижением боевой готовности. По поводу такой неподготовленности мы ограничили наши суждения тем, что в XIII главе 5-й части было высказано нами о подобном состоянии войск.

Здесь, говоря о наступлении, мы должны упомянуть о квартирном расположении противника как об особом объекте нападения, тем более что такое нападение носит характер исключительно своеобразный и может оказаться весьма действенным приемом стратегии. Следовательно, речь здесь будет идти не о внезапном нападении на отдельные квартиры неприятеля или на небольшой его отряд, расквартированный в нескольких деревнях, ибо организация такого нападения целиком дело тактики, но о наступлении на значительные силы, более или менее широко разбросанные по квартирам, так что целью наступления явится не нечаянное нападение на часть квартирного района, а воспрепятствование сбору сил противника.

Атака неприятельской армии, расположенной по квартирам, является нападением на не сосредоточившуюся еще армию. Нападение можно назвать удачным, если армия противника не успеет собраться в предварительно намеченном ею пункте и будет вынуждена избрать иной пункт, находящийся в более глубоком ее тылу. А так как отнесение назад этого сосредоточения, производимое в тяжелые минуты, редко бывает меньше чем на один дневной переход, – обычно же достигает нескольких переходов, – то оно связывается с потерей территории, и в этом заключается первая выгода, которая выпадает на долю наступающего.

Такое нападение, нацеленное на противника, может вначале, конечно, являться и внезапной атакой некоторых участков расквартирования, правда, не всего сразу и даже не многих участков, так как последнее повело бы к значительному расширению фронта наступающей армии и ее разброске, что ни в коем случае не желательно. Из сказанного следует, что нечаянному нападению могут подвергнуться только те участки расквартирования неприятеля, которые лежат на пути наступающих колонн, да и это редко увенчивается полным успехом, так как приближение значительных сил редко остается незамеченным. Тем не менее отнюдь не следует пренебрегать и этим элементом наступления; на достигаемые им результаты мы смотрим как на вторую выгоду, получаемую от такого нападения.

Третьей выгодой являются те частные бои, в которые будет вынужден втянуться противник; в них он может понести тяжелые потери. Значительная масса войск сосредоточивается на сборный пункт не побатальонно, а предварительно собирается в бригады, дивизии или корпуса; такие крупные соединения не могут бежать стремглав к назначенному месту и бывают вынуждены, если на них натолкнется неприятельская колонна, вступить с ней в бой. Правда, можно допустить, что следующие к сборному пункту части окажутся победителями, если колонна наступающего недостаточно сильна, но даже в случае победы она теряет время; да и вообще легко понять, что при таких условиях и при общей тенденции поскорей достигнуть позади расположенного пункта победитель едва ли сможет извлечь какую-либо выгоду из своей победы. Но следующие к сборному пункту части могут быть и разбиты, и это тем вероятнее, что у них не будет времени для того, чтобы подготовиться к надлежащему отпору. Поэтому мы вправе предположить, что наступающий при правильно задуманном и хорошо выполненном нападении

²⁶ В современных условиях некоторую отдаленную аналогию с темой этой главы можно усмотреть в наступлении заранее изготовившейся стороны на неприятельскую армию в период ее сосредоточения. – *Ред.*

нии захватит в этих частных боях значительные трофеи, которые явятся наиболее существенным слагаемым общего успеха.

Наконец, четвертая выгода, венчающая все предприятие, – известная временная дезорганизация неприятельской армии и упадок духа в ней, что редко позволяет немедленно использовать собравшиеся в конце концов силы. Подвергнувшийся нападению обычно бывает вынужден очистить еще часть территории и вообще внести резкие изменения в ход намеченных им операций.

Таковы обычно результаты удачного нападения на неприятельское квартирное расположение, т. е. такого нападения, при котором противник был лишен возможности сосредоточить без потерь свои войска там, где это было предусмотрено его планом. Но размер успеха по природе самого дела может быть самых различных степеней, и результат в одном случае будет весьма значителен, а в другом совершенно ничтожен. Однако даже тогда, когда результаты очень существенны, так как предприятие оказалось чрезвычайно успешным, значение его все же редко можно приравнять к тем выгодам, какие приносит выигрыш генерального сражения; это объясняется отчасти тем, что в первом случае количество трофеев редко бывает столь же значительно, как во втором, а отчасти тем, что моральное впечатление не может расцениваться столь высоко.

Этот общий результат необходимо всегда иметь в виду и не ожидать от рассматриваемого предприятия более того, что оно в состоянии дать. Некоторые считают нападение на квартиры за *non plus ultra*²⁷ наступательной деятельности, но, как мы видим из подробного разбора всех его сторон и из опыта военной истории, оно таковым отнюдь не является.

Одним из блистательнейших внезапных нападений было нападение у Дутлингена герцога Лотарингского в 1643 г. на французские квартиры. Французский корпус в 16000 человек потерял своего командующего генерала Ранцау и 7000 человек. Поражение было полное; к такому результату привело полное отсутствие сторожевого охранения.

Нападение, которому подвергся Тюренн в 1644 г. под Мергентгеймом (Мариендаль, как его называют французы), по своему результату было равносильно поражению, так как Тюренн из 8000 человек потерял 3000. Однако такие потери он понес главным образом потому, что, сосредоточив не полностью свои войска, он преждевременно решился дать противнику отпор. Но на такие действия нормально рассчитывать нельзя; в данном случае это явилось скорее результатом плохо обдуманного сражения, а не самого нападения. Тюренн легко мог избегнуть боя и соединиться с частью войск, занимавшей дальние квартиры.

Третье прославленное нападение было совершено Тюренном в 1674 г. в Эльзасе против армии союзников, находившейся под начальством великого курфюрста, имперского генерала Бурнонвиля и герцога Лотарингского. Трофеи Тюренна были незначительны. Потери союзников не превышали 2000–3000 человек, что не могло иметь решающего значения при общей численности армии в 50000 человек; однако союзники сочли невозможным дальнейшее сопротивление в Эльзасе и отступили за Рейн. Этот стратегический успех и явился как раз тем, чего Тюренн добивался, но причину успеха не следует искать в самом нападении. Нападение Тюренна расстроило не столько войска противников, сколько их планы, остальное довершили разногласия союзных полководцев и близость Рейна. Вообще это событие заслуживает более тщательного изучения, так как обычно оно истолковывается ложно.

В 1741 г. Нейперг внезапно напал на расквартирование Фридриха Великого, но весь успех выразился в том, что король был вынужден принять у Мольвица сражение с перевернутым фронтом и с не вполне сосредоточенными силами.

В 1745 г. Фридрих Великий напал на квартиры герцога Лотарингского в Лузании (Лаузице). Главный выигрыш при этом заключался в действительно внезапном нападении

²⁷ Наивысшую форму, венец. – *Ред.*

на Геннерсдорф, самый значительный из пунктов австрийского расквартирования, причем австрийцы потеряли 2000 человек. Общий же результат выразился в том, что герцог Лотарингский отступил через верхний Лаузиц в Богемию, что, однако, ему не помешало опять вернуться в Саксонию по левому берегу Эльбы, так что без нового сражения у Кессельдорфа кампания закончилась бы без значительного результата.

В 1758 г. герцог Фердинанд Брауншвейгский внезапно напал на расквартирование французов, потерявших при этом несколько тысяч человек и оказавшихся вынужденными отнести свою группировку за реку Адлер. Но моральное впечатление от нападения, пожалуй, сказалось в дальнейшем и отразилось на последовавшем очищении французами всей Вестфалии.

Если бы мы пожелали подытожить выводы из всех перечисленных примеров, то лишь первый и второй могут быть приравнены по значению своего успеха к выигранному сражению. Но в обоих этих случаях масса была малочисленна и отсутствовало охранение, что чрезвычайно облегчало нападение. Что же касается четырех остальных случаев, то хотя их и следует отнести к числу вполне удавшихся предприятий, они все же никак не могут быть приравнены по своим результатам к выигрышу сражения. Одержанные в них успехи могли быть достигнуты лишь по отношению к противнику со слабой волей и характером; потому-то и не могли добиться успеха в 1741 г. австрийцы, имевшие дело с Фридрихом Великим.

У пруссаков в 1806 г. был выработан план нападения на квартирное расположение французов во Франконии. Обстоятельства этому благоприятствовали: Бонапарт отсутствовал, французские корпуса были широко разбросаны по квартирам. В этих условиях прусская армия могла рассчитывать, что решительным и быстрым натиском ей удастся с большими или меньшими потерями отбросить французов за Рейн. Но на большее надеяться было бы неосновательно: не было никаких данных предполагать, что успех может быть развит и возможно будет продолжать преследование за Рейном или что будет достигнут такой моральный перевес, что французы не осмелятся в эту кампанию опять появиться на правом берегу Рейна.

В начале августа 1812 г., когда Наполеон остановил свою армию на отдых у Витебска, русские предполагали напасть из Смоленска на французское расквартирование. Однако, к счастью для русских, на это у них не хватило смелости, так как не только центральная группа французов превосходила вдвое силы русских, но возглавлял ее самый решительный полководец из всех когда-либо существовавших. Потеря французами пространства в несколько миль сама по себе еще ничего не решала, так как поблизости не было такого рубежа, до которого русские могли бы довести свое наступление и там закрепиться; да и война 1812 г. не была из разряда походов, вяло плетущихся к своему концу, но являлась выполнением серьезного плана наступающего, поставившего своей целью полное сокрушение противника, и потому мелкие выгоды, какие могла бы доставить русским их атака на расквартирование французов, были несоизмеримо ниже поставленной цели и никак не могли уравновесить огромное неравенство условий и сил. Но самая возможность подобной попытки показывает, как неясное представление о действительности этого средства может привести к совершенно ошибочному его применению.

Все сказанное освещает данный предмет как *средство стратегии*. Однако и осуществление его относится не только к тактике, но по самой его природе частично принадлежит к области стратегии, поскольку подобное нападение обычно протекает на довольно широком пространстве и наступающая армия может быть вовлечена в бой по частям, как это обычно и случается, так что вся операция представляет агломерат из отдельных боев. Поэтому нам остается сказать еще несколько слов о наиболее естественной организации подобного наступления.

Важнейшие требования будут следующие:

1. Атаковать неприятельское расквартирование достаточно широким фронтом, так как в таком случае будут иметь место нечаянные нападения на несколько квартирных районов,

а другие будут отрезаны и в неприятельскую армию будет внесена дезорганизация. Что же касается числа колонн и интервалов между ними, то это зависит от обстановки.

2. Колонны наступающего должны направляться концентрически к пункту, намечаемому для их соединения, так как и противник в конце концов в большей или меньшей мере сосредоточит свои силы. Пунктом соединения для атакующего будет по возможности сборный пункт противника, или же он может быть выбран на пути его отступления, и всего лучше там, где этот путь пересекает какой-либо естественный рубеж.

3. Отдельные колонны при встрече с силами противника должны атаковать их смело и решительно. На их стороне все выгоды обстановки, и потому полный риск уместен. Ввиду этого начальникам отдельных колонн должны быть предоставлены в данном случае большая свобода и полномочия действовать по усмотрению.

4. Планы тактического наступления против первых преграждающих путь отрядов противника должны быть всегда рассчитаны на их обход, так как главного успеха надо ожидать от разъединения неприятельских частей.

5. Каждая колонна должна состоять из всех родов войск и не страдать от отсутствия кавалерии. При некоторых обстоятельствах полезно распределить между этими колоннами всю резервную кавалерию; было бы ошибочно предполагать, что резервная кавалерия как таковая может сыграть в данном предприятии существенную роль. Ее в состоянии остановить первая встреча с деревушкой, малейший мост, самая незначительная роща²⁸.

6. Хотя по самой природе нечаянного нападения требуется, чтобы наступающий не выдвигал слишком далеко вперед своих авангардов, однако это относится лишь к моменту приближения к противнику. Раз бой уже начался на фронте неприятельского расквартирования и, таким образом, то, что можно было непосредственно выиграть от нечаянности, уже исчерпано, каждая колонна должна выдвинуть свой авангард из всех родов войск возможно дальше; эти авангарды благодаря большой своей подвижности могут значительно усилить смятение в войсках противника. Лишь этим способом удастся захватить то тут, то там обозы, артиллерию, командированных, отставших, которые обычно тянутся за поспешно снявшимися со стоянки войсками. Такие авангарды должны служить главным средством для обхода и отрезывания отдельных неприятельских частей.

7. Наконец, следует заранее на случай неудачи обдумать путь и порядок отступления и наметить сборный пункт для армии.

²⁸ Резервная кавалерия эпохи Клаузевица представляла собой конницу, предназначенную для нанесения последнего решительного удара на поле сражения; отсутствие огнестрельного оружия, за исключением пистолетов, делало ее негодной для выполнения самостоятельных задач. – *Ред.*

Глава XX. Диверсия

Под словом «диверсия» обычно подразумевают такое нападение на неприятельскую территорию, посредством которого силы противника отвлекаются от важнейшего пункта. Лишь *в тех случаях, когда основное намерение заключается именно в этом*, а не в захвате объекта наступления, операция получает своеобразный характер; в противном же случае ее следует рассматривать как обычную атаку.

Понятно, что несмотря на это диверсия должна иметь все же объект нападения, так как только ценность этого объекта сможет заставить противника выделить часть войск для его защиты. Кроме того, если предприятие и не удастся как диверсия, то овладение подобным объектом должно являться возмещением затраченных на него сил.

Объектами диверсии могут быть: крепости, значительные склады или богатые большие города, особенно столицы, возможность сбора всякого рода контрибуций и, наконец, способствование восстанию недовольных подданных противника.

Что диверсии могут быть полезны – понять нетрудно, но, несомненно, они приносят пользу не всегда; иногда, напротив, они причиняют только вред. Первое требование к диверсии заключается в том, чтобы она оттянула от главного театра войны больше сил противника, чем мы сами употребили на диверсию. Если бы она отвлекла силы, по количеству только равные нашим, то действие собственно диверсии равнялось бы нулю, а она сама превратилась бы в наступление побочного характера. Вспомогательное наступление, предпринятое при благоприятной обстановке с целью небольшими силами достигнуть непропорционально крупных результатов, – например, не затрачивая усилий, захватить важную крепость, – не может быть названо диверсией. Правда, его часто называют нападением нового противника на государство, находящееся уже в войне, но такое наступление отличается от обычного лишь направлением удара, и потому нет оснований давать ему особое наименование, так как в теории особыми названиями следует обозначать лишь своеобразные явления. Но для того, чтобы более слабые силы привлекли на себя более крупные, необходимо наличие особых обстоятельств, и потому какой-нибудь летучий отряд, высланный в неприятельский район, не затронутый еще войной, не соответствует назначению диверсии.

Если наступающий отправит небольшой отряд в 1000 человек в неприятельскую провинцию, лежащую вне главного театра войны, с целью собрать там контрибуцию и т. п., то, конечно, можно ожидать, что противник будет не в состоянии воспрепятствовать этому намерению посылкой таких же 1000 человек и будет вынужден отрядить значительно большее количество своих войск, чтобы обеспечить провинцию от налетов. Но не может ли обороняющийся вместо защиты своей провинции восстановить нарушенное равновесие нападением на нашу, дабы ее подвергнуть той же участи? Следовательно, чтобы отсюда для нас получилось какое-нибудь преимущество, надо установить, что из провинции противника можно извлечь больше, чем из нашей, или что занятие ее угрожает более значительным интересам, чем занятие нашей. Если это так, то, несомненно, даже очень слабая диверсия способна оттянуть на себя силы, несравненно большие затраченных нами на нее.

Однако по самой природе диверсии ее выгоды уменьшаются с ростом вводимых в дело масс, так как 50000 человек могут с успехом защищать средних размеров провинцию не только против такого же количества нападающих войск, но и несколько большего. Таким образом, преимущество, получаемое при крупной диверсии, является чрезвычайно сомнительным; чем крупнее диверсия, тем благоприятнее для нее должны быть прочие обстоятельства, чтобы из нее получился какой-либо прок.

Этими обстоятельствами, способствующими диверсии, являются:

а) наличие вооруженных сил, которыми можно располагать для диверсии, не ослабляя главного наступления;

б) наличие у обороняющегося объектов, имеющих большую важность, которым можно угрожать при помощи диверсии;

в) недовольство подданных противника;

г) богатство провинции, могущее доставить значительные средства для войны.

Но если будут предприниматься лишь те диверсии, которые, будучи оценены с этих различных точек зрения, обещают успех, то окажется, что случаев для них представляется не слишком много.

К сказанному следует прибавить еще одно существенное замечание. Каждая диверсия подвергает бедствиям войны такую местность, которой без этого военные действия не коснулись бы; поэтому диверсия вызывает к жизни какие-то новые неприятельские силы, которые сами по себе оставались бы в покое; с этим приходится считаться особенно тогда, когда противник подготовил организацию милиции и народного ополчения. Вполне естественно и подтверждено опытом, что когда тот или иной район внезапно подвергается угрозе вторжения сил противника, а к обороне мер не принято, то все дельные чиновники, которые в нем окажутся, начнут изыскивать и претворять в действительность все мыслимые чрезвычайные мероприятия, способные предотвратить нависшую опасность. Таким путем здесь зарождаются новые силы для сопротивления, и притом в такой форме, которая напоминает народную войну и легко может ее вызвать.

Это обстоятельство должно быть учтено, дабы не выкопать себе самим могилы.

Экспедиции в Северную Голландию в 1799 г. и на остров Вальхерн в 1809 г. оправдываются с точки зрения диверсии только тем, что использовать иначе английские войска не было возможности; однако не подлежит сомнению, что диверсии эти в результате увеличили сумму средств сопротивления французов и любая высадка в самой Франции вызвала бы аналогичные последствия. Конечно, угроза высадки на берегах Франции дает много выгод, нейтрализуя значительное количество войск, несущих службу береговой охраны, но сама высадка крупных сил найдет себе оправдание лишь в том случае, если можно рассчитывать на содействие населения какой-либо провинции против своего же правительства.

Чем меньше оснований ожидать на войне крупного решения, тем уместнее диверсии, но вместе с тем и полученный от них выигрыш будет меньше. При победных обстоятельствах диверсии явятся средством дать движение замирающей на месте массе.

Выполнение

1. Диверсия может заключать в себе подлинное наступление; тогда выполнение ее не носит особого, только ей присущего характера, кроме емкости и быстроты.

2. Диверсия может поставить себе целью произвести более внушительное впечатление, чем то, которого она заслуживает; в этом случае она является одновременно и демонстрацией. Какие особые меры должны быть применены при этом, может подсказать лишь изворотливость ума, хорошо осведомленного об обстоятельствах и людях.

При наличии такой цели, естественно, всегда имеет место значительная разброска сил.

3. Если силы довольно значительны, а отступление ограничено лишь некоторыми пунктами, то существенным условием является особый резерв, на который могло бы опереться ведение всей операции.

Глава XXI. Вторжение

То, что мы можем сказать по вопросу о вторжении, сводится почти исключительно к области терминологии. Это выражение встречается часто у новейших писателей, употребляющих его с какой-то претензией обозначить им некое особое явление. Французы постоянно говорят о *guerre d'invasion*²⁹, называя так наступление далеко в глубь неприятельской страны, причем противопоставляют это наступление методическому, т. е. такому, которое лишь грызет края страны. Но все это лишь словесная путаница, притом далеко не философского характера. Останавливается ли наступление близ границы или проникает в глубь страны, стремится ли оно прежде всего к захвату крепостей или ищет и непрерывно преследует ядро неприятельских сил – все это зависит не от той или другой манеры³⁰, а вытекает из обстановки.

В некоторых случаях, несмотря на продвижение далеко вперед, война ведется методичнее и даже осторожнее, чем тогда, когда медлят вблизи границы. В большинстве же случаев далекое вторжение не что иное, как счастливый результат энергично предпринятого наступления, от которого, следовательно, оно ничем не отличается.

*Кульминационный пункт победы*³¹

Не во всякой войне победитель в состоянии окончательно сокрушить своего противника. Часто, и даже в большинстве случаев, наступает кульминационный пункт победы. Опыт войны в достаточной мере указывает на это; но так как этот вопрос является особо важным для теории войны и ложится в основу почти всех планов кампаний, причем на его поверхности искрятся кажущиеся противоречия, как игра лучей в изменчивых красках, то взглянем на него пристальнее и вскроем его сущность.

Обычно источником победы является перевес суммы всех физических и моральных сил; победа бесспорно увеличивает этот перевес, иначе не добивались бы ее так и не покупали бы ее столь дорогой ценой. Безусловно, победа сама по себе усиливает этот перевес; это также относится и к ее последствиям, но не до самого конца, а лишь до известного пункта. Последний может находиться очень близко и иногда лежит так близко, что все последствия победоносного сражения сводятся лишь к усилению морального превосходства. Взаимная зависимость всего этого и будет служить предметом нашего исследования.

По мере хода военных действий вооруженные силы постоянно соприкасаются с одними элементами, наращивающими их, и с другими, умаляющими их. Вопрос сводится к тому, на стороне каких элементов окажется перевес. Всякое уменьшение сил одной стороны надо рассматривать как увеличение сил другой, и этот двойственный поток прилива и отлива имеет место как при продвижении вперед, так и при отходе назад.

Достаточно исследовать основную причину этого изменения в одном случае, чтобы тем самым решить вопрос и в другом.

Главные причины усиления наступающего при его продвижении вперед будут следующие:

1. Потери вооруженных сил обороняющегося, ибо обычно они превышают потери наступающего.

²⁹ Буквально – война вторжения, т. е. завоевательная война. Эта глава представляет выпад против Жомини, предостерегавшего против далеких наступлений с широкими завоевательными планами. – *Ред.*

³⁰ Выражение «манера» Клаузевиц употребляет в гетевском смысле для характеристики новых явлений эволюции искусства, связанных со своеобразием крупного мастера. – *Ред.*

³¹ Сравн. главы IV и V. (*Прим. нем. изд.*)

2. Обороняющийся терпит утрату своих мертвых средств борьбы: складов, депо, мостов и пр., между тем как наступающий этих потерь не знает.

3. С момента занятия наступающим части областей противника последний теряет в них источник для содержания и пополнения своих боевых сил.

4. Частичное использование наступающим этих источников, иными словами, использование преимущества жить за счет противника.

5. Потери неприятельским государством внутренней связи и правильности функционирования всех его частей.

6. Союзники противника отступают от него, кое-кто из них присоединяется к наступающему.

И наконец:

Т. Уныние в рядах противника, которое может дойти до того, что оружие будет валиться у него из рук.

Причины ослабления при наступлении заключаются в следующем:

1. Наступающий вынужден осаждать, штурмовать или наблюдать за неприятельскими крепостями; возможно, что противник до одержанной над ним победы проделывал все это по отношению к нашим крепостям, но при отступлении он отзывает к себе все выделенные с этой целью силы.

2. С момента вступления на территорию противника изменяются условия театра войны; он становится враждебным нам, приходится им овладевать, так как он принадлежит нам лишь постольку, поскольку мы заняли его; но и занятый нами, он затрудняет повсюду работу всего механизма нашей армии, что, несомненно, ведет к ослаблению его действия.

3. Наступая, мы удаляемся от источников нашего снабжения, между тем как противник приближается к своим, отсюда задержка в пополнении израсходованных сил.

4. Угроза неприятельскому государству нередко побуждает другие государства выступить на его защиту.

И наконец:

5. Увеличение опасности вызывает рост усилий противника, тогда как усилия побеждающего государства ослабевают.

Все эти выгоды и невыгоды могут соприкасаться, сталкиваться и затем продолжать свой путь совместно. Лишь упомянутые последними противостоят друг другу как подлинные анти-тезы и при встрече одна с другой разойтись не могут и друг друга взаимно исключают. Уже это одно показывает, как бесконечно разнородны могут быть последствия победы в зависимости от того, ошеломит ли она противника или, наоборот, побудит его к новым, еще более напряженным усилиям.

Мы попытаемся охарактеризовать в нескольких словах каждый перечисленный раздел.

1. Потери неприятельских вооруженных сил могут быть намного значительнее наших в первый момент после понесенного ими поражения, а затем с каждым днем они будут постепенно уменьшаться, пока не достигнут равновесия с нашими потерями, но они могут точно так же возрасти с каждым днем в нарастающей прогрессии. Решающим фактором явится различие в положении и обстоятельствах. Обычно первое явление наблюдается у хорошей армии, а второе – у плохой, в этих случаях наряду с духом армии решимость правительства играет исключительную роль. На войне крайне важно различать оба этих случая, дабы не останавливаться там, где как раз надо бы начать действовать, и наоборот.

2. Точно так же потери противника мертвыми средствами борьбы могут возрасти и уменьшаться, это находится в зависимости от местоположения и состояния его складов. Впрочем, в наше время подобные потери не имеют по сравнению с другими крупного значения³².

³² Это не совсем верно даже для времен Клаузевица. Теперь, разумеется, положение прямо противоположно оценке Кла-

3. Третья выгода должна, естественно, расти по мере продвижения вперед, более того, она вообще начинает играть известную роль лишь с того момента, когда мы далеко проникаем в глубь неприятельской страны, т. е. когда позади нас остается от одной четверти до трети его территории. Впрочем, в данном случае надо учитывать внутреннюю ценность данного района в военном отношении.

Точно так же с продвижением вперед возрастает и выгода, указанная в п. 4.

Но относительно этих двух последних выгод следует отметить, что их влияние редко скажется в ближайшем времени на борющихся вооруженных силах. Их влияние распространяется медленно, окольными путями, и потому ради них не стоит слишком сильно натягивать тетиву и ставить себя в опасное положение.

Пятое преимущество сказывается опять-таки лишь тогда, когда наступающий значительно продвинется вперед и конфигурация неприятельской страны позволяет отрезать от нее несколько провинций, которые, подобно оторванным членам, обычно скоро отмирают.

По поводу выгод, указанных в пп. 6 и 7, можно с некоторою вероятностью предположить, что они будут возрастать в связи с нашим продвижением вперед, но об этом мы еще поговорим.

Перейдем теперь к причинам ослабления.

1. Вместе с успехом наступления в большинстве случаев умножается необходимость в осаде, штурме или блокаде крепостей. Одно это обстоятельство оказывает настолько сильное влияние на состояние вооруженных сил, что легко может уравновесить все выгоды. Правда, в последнее время начали блокировать крепости небольшими силами или даже ограничиваются мелкими отрядами для наблюдения за ними. К тому же противник также должен выделить гарнизоны для крепостей. Но тем не менее крепость – важный фактор обороны. Гарнизоны обычно лишь наполовину состоят из людей, взятых из действующей армии. Перед крепостью, расположенной вблизи наших линий сообщения, приходится оставлять силы, вдвое превышающие численность гарнизона, а при стремлении начать правильную осаду хотя бы одной значительной крепости или при желании вынудить ее голодом к сдаче необходима небольшая армия.

2. Вторая причина – отсутствие предварительной организации театра войны в неприятельской стране – неизбежно нарастает в своей действенности с продвижением вперед; хотя причина эта и не отражается немедленно на состоянии вооруженных сил, но тем сильнее сказывается на них с течением времени.

Мы можем считать своей только ту часть территории противника, которая нами занимается, т. е. где мы оставили небольшие действующие отряды или расположили гарнизоны, – главнейшие города, этапы и т. д. Как ни скупо будут отмерены эти гарнизоны, все же выделение их значительно ослабит наши вооруженные силы. Но это еще не самое существенное.

У каждой армии имеются свои стратегические фланги; мы имеем в виду местность, которая тянется по обе стороны ее сообщений. В таком же положении находится и неприятельская армия; поэтому слабость этих флангов не столь заметна. Это имеет место, пока армия находится в собственной стране; но если мы окажемся на неприятельской территории, то слабость эта станет весьма чувствительной; при растянутых сообщениях, притом слабо или вовсе не прикрытых, самое незначительное покушение на них противника обещает известный успех, а такие покушения в неприятельской стране возможны повсюду³³.

Чем дальше продвинемся мы, тем фланги³⁴ становятся длиннее и опасность увеличивается в возрастающей прогрессии; создать для них надежное прикрытие очень трудно, а растянутость и незащищенность сообщений являются главной причиной, порождающей дух пред-

узевица. – *Ред.*

³³ О безопасности сообщений наступающего, стремящегося к нанесению решительного удара, см. в конце главы XV части 7-й. – *Ред.*

³⁴ Под флангом здесь надо разумеать употребляемое в фортификации выражение «фланк», т. е. линию обороны, перпендикулярную к общей линии фронта. – *Ред.*

приимчивости у противника. Последствия же утраты сообщения в случае отступления могут оказаться серьезными.

Все это вместе взятое создает для армии с каждым ее шагом вперед все увеличивающееся бремя, и если у нее вначале не было исключительного превосходства, то размах ее планов постепенно суживается, ее ударная сила слабеет, и она в конце концов начинает испытывать беспокойство и неуверенность в своем положении.

3. Третья причина – отдаленность от источников, которые должны непрерывно пополнять столь же непрерывно тающие вооруженные силы. Армия, движущаяся на завоевание, подобна пламени в лампе; чем ниже становится уровень питающего ее масла, тем больше становится расстояние между пламенем и маслом, и пламя делается меньше, пока не погаснет совершенно.

Правда, богатство завоеванного края может в значительной мере уменьшить зло, но никогда не устранил его полностью; ведь многое возможно получить лишь из собственной страны, хотя бы, например, людей. Далее, заготовки в неприятельской стране обычно не производятся с такою быстротой и надежностью, как в своей собственной, и внезапно возникшую потребность нельзя так скоро удовлетворить, а недоразумения и ошибки всякого рода не так легко выявить и исправить.

Если глава государства не самолично ведет армию, что случается все чаще, если он от нее находится на расстоянии, то возникает новое и значительное неудобство, заключающееся в потере времени на непрестанные запросы и донесения, так как даже и наиболее широкие полномочия не могут охватить всей обширной области деятельности полководца.

4. Изменения в политических отношениях. Если такие изменения, вызванные победой, направляются во вред победителю, то нарастание вражды к нему, по всей вероятности, будет пропорционально его победоносному продвижению вперед; та же зависимость сохранится и в случае перемены отношений в его пользу. В подобном случае все зависит от существующих политических связей, взаимоотношений, интересов, политических течений, от монархов, их министров, от фаворитов и любовниц и т. д. В общем можно лишь сказать, что когда терпит поражение большое государство, у которого есть мелкие союзники, то они обычно торопятся отречься от него, так что победитель с каждым нанесенным им ударом становится сильнее; но если побежденное государство невелико, то оно приобретает себе покровителей скорее всего тогда, когда опасность будет угрожать самому его существованию, и в этом случае другие государства, помогавшие расшатывать его, возможно, обратятся против победителя, чтобы воспрепятствовать окончательному уничтожению побежденного.

5. Рост неприятельского сопротивления. Бывает, что побежденный ошеломлен настолько, что под влиянием страха выпускает из своих рук оружие, а иногда бывает, что побежденного охватывает такой пароксизм воодушевления, что все берутся за оружие и сопротивление после первого поражения становится во много раз сильнее. Для того, чтобы предвидеть, что именно последует, надо учитывать характер народа и его правительства, природу страны и ее политические связи.

Одни только обстоятельства, указанные в двух последних пунктах, вносят нескончаемое разнообразие в планы, которые в том или другом случае составляются и должны быть составляемы. Поэтому случается, что один упускает счастье своею боязливостью или так называемыми методическими действиями, а другой вследствие необдуманности попадает в пучину гибели.

Не забудем еще и ослабления энергии, которое нередко проявляется у победителя, когда опасность удаляется, между тем как именно тогда требуются новые усилия, чтобы использовать победу. Окинув одним взглядом все эти различные и противоречивые начала, мы приходим к твердому убеждению, что использование победы и продвижение вперед при наступательной войне в большинстве случаев умаляют то превосходство сил, с которыми наступление было начато или которое было приобретено победой.

Здесь невольно рождается вопрос: но если это так, то что же побуждает победителя стремиться по орбите своей победы и продолжать наступление? И можно ли еще называть это использованием победы? Не лучше ли было бы остановиться, пока еще вовсе не началось уменьшение достигнутого перевеса?

На это, конечно, следует ответить, что перевес сил является не целью, а средством. Цель же заключается или в том, чтобы сокрушить врага, или по меньшей мере в том, чтобы отнять у него часть его территории, чтобы извлечь из этого выгоду если не для данного состояния вооруженных сил, то для ведения войны и заключения мира. Даже когда мы намереваемся окончательно сокрушить врага, все же приходится мириться с тем, что каждый наш шаг вперед уменьшает наше превосходство; отсюда еще отнюдь не следует, что это превосходство превратится в нуль раньше, чем прекратится сопротивление противника; прекращение последнего может последовать и раньше. А если сокрушение противника возможно при том минимуме перевеса, который у нас еще остается, то было бы ошибкой не использовать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.